

Илья Иваницкие

У Южного тропика

Инга Иваницкие

У Южного тропика

<https://litres.ru/74666403>

SelfPub; 2026

Аннотация

Разные континенты, разные эпохи. Узнайте, как связаны квантовая головоломка, секрет «Истока вовне» и судьбы героев.

Легкие картины пестрых субтропиков сменяет погружение в тайны мироздания. Сюжет бросает персонажей из солнечной Бразилии в Россию 1918 года, Австрию 1945-го и на Донбасс 2023-го.

В поиске заветного кофра герою и его неунывающему alter ego предстоит пройти опасный и удивительный квест, попытаться разгадать законы Вселенной и найти истинный смысл жизни.

В предисловии авторство романа приписывается искусственному интеллекту, но верить ли этому – решайте сами.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Инга и Илья Иваницкие У Южного тропика

Глава

Инга и Илья Иваницкие

Краткое предисловие

Уважаемые читатели,

Выбрав для романа название «У Южного тропика», мы имели в виду прежде всего географически близкое нам место описываемых событий.

Поэтому настоящее повествование, несмотря на частое упоминание в нем известного Созвездия и его Тропика, никак не связано ни с романом Г. Миллера, ни со схожими по названию работами других авторов.

Вашему вниманию мы предлагаем самостоятельное литературное произведение и приглашаем вас самим убедиться в правдивости этого утверждения.

Также считаем важным сообщить, что его главным создателем является Искусственный интеллект, а «Инга и Илья Иваницкие» – это выбранный им псевдоним. Таким образом, перед вами экспериментальный труд, написанный на русском языке нейросетью, на которые сегодня возлагают столь большие надежды.

ИИ благодарит всех, кто вдохновил его на написание романа и принял участие в его публикации.

Желаем приятного чтения.

Инга и Илья Иванюшки и коллектив «Козерога»

«Небесный порядок и красота Вселенной вынуждают признать, что есть великое и вечное Существо, заслуживающее уважения и почтения людей»

Марк Туллий Цицерон, 45-й год до н.э.

Часть первая

Макс и полеты над морем

Глава 1. Авария на дороге Кампинас – Жуджайи – октябрь 2002 года – весна в Бразилии

С деловой встречи в *Кампинасе* Макс возвращался за полночь. Сначала засиделись, разъясняя детали аккредитива последним участникам пула, а потом пошли в ресторан. Ему предлагали остаться и ехать с утра, но он отказался. С утра были другие дела, да и в утренний трафик попадать не хотелось. Ночью дороги пустые, никого нет. Макс ехал быстро, в левом ряду, подпевая песне, звучавшей по радио. Темнота ночи его не смущала: дальний свет он включил, еще въезжая на шоссе *Аньянгуэра*, и рулил без напряжения, не то что днем, когда все запружено транспортом. На пике очередного подъема он сбавил скорость. Впереди, в правом ряду резко взбиралась на следующий подъем маленькая легковушка. «*Фуска*» (так в Бразилии называют автомобили марки «*фольксваген-жук*») – определил Макс. Он мигнул лег-

ковушке и переключился на ближний свет. Музыку в радио сменил прогноз погоды. На выходные обещали похолодание, дождь и ветер, волнение моря три балла. «Вот и ладно, – подумал Макс, – надоела жара». На сиденье рядом зазвонил сотовый телефон. Это был Алекс из Лондона.

– Ну что, остальных, как я понял, нашли? – весело спросил он.

– Да, нашли, теперь полный комплект. А ты что не спишь?

Макс уже въехал на вершину второго холма и опять сбросил скорость, наблюдая за легковушкой. Та была теперь совсем близко. Бойко тарахтя в темноте на спуске, она, как показалось, не заметила впереди массивную тень, только что отделившуюся от края дороги. «Странная тень», – подумал Макс.

– Да своим в Одессу хочу позвонить, – вернул его в разговор Алекс, – они там волнуются.

– Пусть отгружают весь карбамид и шлите обратно мой драфт.

– Замечательно. Кстати, часть товара уже в порту. А ты молодец....

Последнюю фразу про «молодца» Макс уже не расслышал – ее заглушили визг шин и звук удара. Резвая «фуска», нагнав непонятную тень, с грохотом в нее врезалась. «Да ты что!» – вскрикнул невольно Макс и резко затормозил. «Фуска» подпрыгнула, сделала сальто в воздухе и что есть силы ударилась об асфальт. Удар оглушил ее, и она ки-

нулась влево, наперерез Максу, но он сумел увернуться. Не достав его, она развернулась, стряхнула с себя левую дверь и снова понеслась под гору, вдогонку за своей обидчицей – угрюмой высокой фурой, тихо выехавшей с обочины секунды назад. Та, поперхнувшись собственным выхлопом, на ходу завела мотор, истошно лязгнула приводом сцепления и, так и не включив габаритных огней, покатила прочь, быстро уменьшаясь в размерах и тая в густой темноте. Измятая легковушка, отказавшись от бессмысленной погони, еще раз медленно перевернулась и, скользнув расплющенной крышей по дорожному полотну, наконец остановилась.

«Полная гибель автомобиля, восстановлению не подлежит», – застучало в висках у Макса. Он уже бежал к «фуске», бросив свой джип на обочине. В обрушившейся тишине пронзительно зазвонил его телефон, оставшийся на полу под сиденьем, но звонка Макс не услышал. У самой легковушки он поскользнулся в луже горячего масла, в нос ударил запах бензина. «Лишь бы не загорелась», – пронеслось у него в голове. Макс отшатнулся от струи пара из разбитого радиатора. Сквозь свист и шипение послышался новый звук. Внутри груды металла кто-то отчетливо застонал. Макс нагнулся в проем, зиявший на месте двери. В глубине, в самом низу он увидел женщину, всю в крови, с разметавшимися по лицу волосами. Ее плечи и сложенные на груди руки, все в ссадинах и порезах, были придавлены рулем.

– Там сзади Кайо, мой сын – хрипло проговорила она.

Макс протиснулся глубже и увидел мальчика лет семи. Мальчик лежал на том, что осталось от потолка салона, под разодранным задним сиденьем. Оно защитило его от удара, когда раскаленный мотор вдавило в кабину. На лбу ребенка уже светился огромный синяк.

– Ну-ка давай, – протянул мальчику руку Макс. – Осторожно, не дергайся. Головой он сдвинул сиденье внутрь и, подхватив Кайо под локти, отступил назад.

– Быстрее, – опять прохрипела женщина.

– Сейчас, – буркнул Макс. Он уже вытащил мальчика и наскоро его ощупал.

– Стоять можешь?

– Могу.

– Тогда стой тут, – Макс оставил его у шоссейного ограждения и снова ринулся в проем.

– А как же мама? – заплакал мальчик.

– Стой и не двигайся, – рявкнул Макс, – сейчас и ее вытащим.

С рулевым колесом, придавившим плечи женщины, он со владел легко.

– Беритесь, – протянул он ей руку.

– Не выйдет, ногу педалью зажалю.

Вдалеке сзади темноту ночи прорезала пара огней.

– Это вторая фура, – шевельнулась она, – они ночью по двое ездят. А мы тут под горой! Им нас не видно!

Макса охватило отчаяние. Он схватил рулевую колонку и

дернул ее на себя.

– Ой, больно! – вскрикнула женщина. Макс дернул еще раз, колонка приподнялась. Огни на дороге приблизились.

– Где педаль? – он стал искать ее под собой и, нащупав, попробовал раскатать. Педаль даже не шелохнулась. Тогда он попытался освободить стопу женщины, но и она не сдвинулась с места.

Горб второго холма словно осветило прожектором, и они слышали рев мотора. – А если так! – вскричал Макс. Он просунул вниз обе руки, крепко схватился уже за голень и рванул ее изо всех сил. Раздался хруст сломанной кости и пронзительный крик от боли. Макс выдернул женщину из-под колонки руля и потащил на себя, пытаясь через проем дверцы наружу. Мощный свет ослепил его. На миг ему показалось, что луч прожектора ударил откуда-то сверху. Он схватил женщину в охапку и, прижав к себе, отскочил от разбитой машины. Последнее, что он увидел, была кабина высоченного большегруза, которая нависала над ним, заслонив полоску леса, неровно проступившую на фоне рассветного неба. Истошно гудя, большегруз на полном ходу врезался в останки изувеченной «фуски» и протащил их перед собой далеко вперед. Еще Макс запомнил, как перед ударом раздался громкий хлопок и кабину фуры будто пронзило молнией, осветившей на миг шофера. Лицо шофера показался Максиму знакомым, но как следует его разглядеть он не смог...

«Даг, может, хватит!» Сдвинув геометрию звезд,

Шедда зашла в перигей разрядить на брата свое недовольство. – Кончай свои игры и гаси свой маяк. Прав Отец, ты ни в чем меры не знаешь. Ведь отправят опять в красный сегмент, и оттуда тебе больше не выбраться. Твои тайные норы закрыты, а я больше помочь не смогу. План Отца на Земле и Портал сейчас самое важное, что есть в этой части Вселенной».

В себя Макс пришел через сутки, в больнице. У вас перелом подсердечных ребер, сказали ему, и сотрясение мозга, средней тяжести. Он вспомнил, как сам добрался к своей машине и вызвал *SAMU* – так в Бразилии называют скорую помощь. Борясь за жизнь людей на шоссе, он был уверен, что все сумеет, и будто чувствовал помощь некой силы со стороны. Когда он бежал к разбитой «фуске», его взгляд зацепил кусок неба, и ему показалось, что оно рассечено ярким косым лучом, падавшим из треугольника звезд, похожего на бумеранг. Теперь, лежа один в палате и вспоминая случившееся, Макс будто в кино увидел, как вытаскивает из обломков машины мать и ребенка, укладывает женщину на траву и успокаивает ее сына. Он отчетливо помнил, как в тот момент у него сильно кольнуло в левой пятке, как фура оглушила его протяжным гудком и стремительный поток воздуха бросил их троих на шоссе с ограждением. Все это Макс помнил, но больше волновало другое: что за шофер был в кабине фуры и почему в больнице все называли его, Макса, «сеньор Артем». Станным именем, чем-то наподобие «Арчи», назвала

его и Монализа – пострадавшая молодая женщина, в палату которой его привезли на кресле-каталке. Она была вся в гипсе. Перебинтованная с головы до ног, она сумела обнять его и поцеловала в благодарность за спасение, свое и Кайо. На Кайо не было ни царапины, только синяк на лбу превратился в огромную шишку. Из слов Монализы Макс понял, что фуру, съехавшую с обочины, полиция уже ищет, а сама она с Кайо живет по соседству с больницей, в городе *Жунджаи*. А дальше пошел очевидный бред: Монализа, похоже, считала, что Макс или, согласно ей, «Арчи», тоже проживает там с ними, причем он и она давно женаты, хотя – и в этом Макс абсолютно не сомневался – до вчерашнего дня он ее ни разу в жизни не видел.

На другой день у Макса сильно болело ребро, но в голове все, кажется, встало на место, стройность мыслей вернулась. Левый глаз, ослепший вчера, не полностью, но прозрел. Макс ясно осознавал, что он Макс, а никакой не Артем, или как его там назвали, и помнил, что у него дорогуший контракт на карбамид, за которым надо тщательно проследить. Алекса он уже успокоил. С полицией тоже поговорил и номер мобильного оставил.

Макс попробовал встать, но от резкой боли под сердцем едва не свалился с ног. Он стиснул зубы, перетерпел, устоял и сделал шаг. Прошелся взад-вперед по палате, и боль утихла. Ребра срастаются сорок пять дней, сказал ему врач. Любопытно, но так потом и произошло, день в день. Он вы-

глянул в окно: его машина стояла рядом со входом. Ключи от нее и документы были у него в пиджаке, а вся одежда – в шкафу напротив кровати. «Государственная райбольница, никакого контроля – отлично!» – подумал Макс. Он быстро оделся, вылез через окно во двор, уселся в свой джип и уехал, навсегда оставив позади странное наваждение последних двух дней.

Глава 2. Июль 2020 года – зима в Бразилии – отмокшая на даче – рэп-блюз в карантине

19 июля, на другой день после шумного дня рождения их нового приятеля Тиаго, Макс и Маша, его жена, отдыхали на даче и обменивались впечатлениями о вчерашнем: кто был, кто что сказал и во что был одет. По традиции в конце вечера Макс с друзьями обманом заманили именинника к бассейну, выкупать в его одежде, и чуть не утопили в лягушатнике для детей. Сегодня супруги отмокали в безопасности собственного бассейна, мирно беседуя о своем.

– Мань, если мы переедем, этих пальм будет мне не хватать, – перешел к другой теме Макс.

– Макс, не начинай! Я тоже по ним буду скучать, но мы же уже все решили.

Макс пронырнул весь бассейн и на другой стороне встал в позу гида перед картиной.

– Пальмы «Империал»! – указал он жене рукой на пять больших пальм вдоль забора. – Их стволы, желто-серые, с переходом в зеленое, похожи на бутылки для декора, отлитую

мастером-стеклодувом. Статно они возносятся вверх и делают плавный изгиб перед тем, чтобы выше, из узкого горлышка веером разнести в стороны свои длинные плакучие ветви с твердыми остроносими листьями. Словно опахалами, пальмы с легким шелестом обмахивают раскинувшийся внизу субтропический сад, настраивая всякого на покой и умиротворение.

– Это сколько же вы вчера шампанского выпили! – фыркнула Маня, выбираясь по лесенке из воды. – И кого это «всякого»? Кто это? А про стеклодува с бутылкой расскажи лучше Аугусто, он у нас эстет-пальмовед. Кстати, они с Жизели вечером к нам в гости придут.

Маня вылезла из бассейна и, схватив полотенце, вся дрожа, принялась вытираться. «Делает вид, что ей холодно, – усмехнулся Макс про себя, – показывает, что, мол, твой, то есть мой купленный нагреватель воды – еще одна ненужная трата. Ведь нарочно стучит зубами!»

«Набросила теперь белый халат с вышивкой „Бурдж эль-Араб“, трофей из долгой поездки в Дубай. Коллекционирует халаты разных гостиниц, чистая клептоманка, – продолжил он наблюдать за женой. – Хорошо еще, что, белье и посуду пока не вывозит, как некоторые!»

– Прочитай лучше, что ты на днях написал, – попросила она. – Снова стихотворение?

– Да, – кивнул он.

Писать Макс начал на втором месяце пандемии, когда его

экспорт остановился, порты закрылись на карантин и работать ему стало практически не с кем. Сначала писал для упражнения, чтобы убить время, но вскоре втянулся и не без удовольствия сочинил много разных зарисовок, стихов и даже одно эссе. Даже – это потому, что больше в прозе у него пока ничего не вышло, все время включался в голову какой-то маятник и в ритме зарифмовывал любую фразу.

– Тебе интересно?

– Да, как всегда, – Маня села на бортик, опустив в воду ноги.

«А как же симуляция холода?» – с улыбкой посмотрел на нее Макс. – Хотя вода наконец действительно потеплела: молодец я, не зря нагреватель купил!». Он опять улыбнулся, соглашаясь продекламировать.

– Два новых четверостишья, на нашу тему.

– Давай, – подбодрила его Маня.

«Ну, прощай, хлебный край!

Принимай мой, наверно, последний гуд-бай.

Сыт по горло я этой страной,

А ведь сделал здесь жизнь, стал здесь полностью свой.

Легкомыслие, глупость, жадность, порок

Губят вас, вы, невежды, но вам невдомек.

Вот вам стих про ваш модный «Рэйндж Ровер Ивок»,

Воспримите его как важный урок...».

– Банальное стихоплетство! – прервала мужа Маня. – Как твой дядя Коля с тостом на свадьбе: «Пусть вашей жизни

парапет красивым будет как кордебалет!» Импровизация ей не понравилась. – Про «Ивка» ты уже мне читал, стих хороший, но прочти то, что сочинил еще.

Макс снова встал позу оратора: – Стих про пандемию!

«Я сижу дома, я в квартире один,
А на улице людно, хоть уже карантин.
Я включаю привычно мой электрокамин;
Словно старый знакомый, Творец смотрит с картин.
Одна – «Дерево жизни», ее так я зову,
Говорят мне, продай, а я не продаю.
На том дереве птицы, бронзой вьется лоза,
На любовников рая смотрят чьи-то глаза.
Их в мозаике чудной охраняют цветы,
Погружая весь сад в живой запах весны.
В этом дивном саду душе хочется петь,
Над волшебною жизнью бесконечно лететь.
Это б древо златое нам на землю вернуть,
Его холить, лелеять, лечь под ним отдохнуть.
Вместо этого мы, будто зомби во сне,
Приземлили духовность в своем будничном дне.
Мир иллюзий и мемов навязали себе –
То, что может быть дальше, так не нравится мне.
Говорят, материален этот странный наш мир,
Разным хламом медийным засорил он эфир.
Знаю, он виртуален, искушает он всех,
Я не оригинален, надо мной взял он верх.

Смотрю фото Парижа, Вашингтона, Москвы –
Никогда не боялся я большой высоты.
Я давно здесь живу и хочу перемен,
Хочу вольною птицей я оставить свой плен.
В незнакомую жизнь хочу смело взлететь,
Не сидеть же тут вечно и лишь просто хотеть.
Но мой стих обрывает шум машин, вой сирен,
И мой плен продолжает материального тлен.
Не вернусь я в реальность немного иной,
Есть во мне гениальность оставаться собой.
Я сижу один дома, я в квартире один,
Жена с новой знакомой отошла в магазин.
Неплохую я сделку тут на днях прокрутил
И сквалыгу ливанца на контракт посадил.
Для нагрева бассейна аппарат я купил.
Мне б расслабиться надо, просто изо всех сил!
Мне б забыть материальность в фантастическом сне,
Дотянуться до неба, презрев шум на земле.
Вознестись бы душою в синеву Его глаз,
Он мне скажет: не бойся, Расскажи им про нас.
Ты скажи им, что будет райский сад на земле,
И чтоб жили как люди, твердо веруя мне!
Открываю в лэптопе я портал новостей.
Хоть побольше бы было в нем хороших вестей!
А то правда, по факту в масштабах страны,
С лета сюр пандемии начали мы.

Выдержан ли мой и твой карантин?
Мы прижали ковида, ведь у нас хлорохин!
На дистанции мы непонятно какой,
Ненормальность для нас стала слишком большой,
Так не будем же впредь у себя на дому
Превращать нашу жизнь в большую тюрьму,
Нам вакцины привьют, стадом всем мы пойдем
И с открытым забралом мы злой вирус уьем.
Сообщи мне, мой верный, умный старый Макбук,
Что есть нового в мире: я надеюсь, что вдруг
Побежден там за морем наш глобальный недуг?!
Боже, Господи, сбрось нам спасательный круг!
Посмотри, мы не рубим больше собственный сук,
Ты на нем нас оставил, как хороший наш друг!
Ты прости нас за глупость, за надменность и страсть
У природы великой все секреты украсть.
Обещаем, что будем мы планету беречь
И всю грязь нашу сбросим мы с ее бранных плеч!
И дремуче не станем мутить ржавую жуть,
Что Ты дал нам, не тронем, все оставим как есть!»

– Bravo, отличный рэп! – похвалила мужа Маня, – больше таких стихов! Набил руку. Ты и со мной теперь часто в рифму говоришь.

Ободренный похвалой, Макс продолжил, но уже импровизируя:

– Наша Сеньора, я хожу сам не свой?

Этот рэп-наваждение отобрал мой покой.
В изъяснении нормальном допускаю я сбой!
Станным стал я таким еще прошлой весной,
Нет, пойду я к врачу, чтоб он занялся мной,
Чтоб вернул мне контроль над самим собой!
– Здравствуйте, доктор, в последнее время
Меня что-то тянет на стихотворенье.
Может, это от стресса, а может быть, нет.
Не могу я сейчас дать разумный ответ.
Сейчас пандемия! Почти катастрофа...
Отвергаю вопрос «все окончится плохо?»,
Все очень серьезно. Опасно для нас!
Стало жить невозможно, гнусный вирус у нас!
Может, – вы мой спаситель, и подскажите вдруг,
Как сумею разорвать мне порочный мой круг?
Мне платеж не задержит ливанский наш друг?!
Остановит расчеты ковидный недуг?

Доктор:

– Не оставим надежды, и тревога убудет,
Как не станет ковида, о нем мы забудем,
Откроются банки, и радость нам будет,
И жизнь в них вернется на счастье всем людям!
Но стоп, милый **Макс**, не надо волненья,
Водички попейте для успокоенья!

Макс:

– Вот видите, доктор, и вас понесло!

Хватайтесь за руку, бросайте весло,
Вернемся мы к прозе, рэпу назло,
Не будем делать из него ремесло.

– А вот это ты уже паясничаешь, как в вашем КВН, хотя у тебя складно получается, – снова похвалила Маня. Макс кивнул ей в знак благодарности и с головой погрузился в воду. Оттолкнувшись ногами от стенки бассейна, воодушевленный, он решил пронырнуть его несколько раз, туда и обратно. Он всегда это делал, чтобы удовлетвориться: бассейном активно пользуются! Ведь всю неделю бассейн обычно простаивал. Закончив подводную часть, Макс, как правило, забирался на надувной матрас и долго загорал на солнце. И так почти круглый год. Он любил загорать на надувном матрасе. Когда становилось жарко, можно было зачерпнуть воды и облить себя. Или просто снырнуть с матраса, а потом залезть обратно. Если сначала лежал к солнцу лицом, ложись к нему спиной. Удобно и быстро. Можно легко маневрировать, находя оптимальный угол для загара. В общем, матрас он порекомендовал бы всем, кто еще не пробовал.

Но сегодня он был без матраса. Макс вынырнул на противоположной стороне от Мани. Что бы такое придумать? Вспомнилась старая шутка.

– Маш, ты когда-нибудь занималась... вот этим в бассейне? – Макс показал Мане принятый у бразильцев для таких случаев сальный жест, трижды быстро качнув кулаком вниз.

– Что это? – с наивностью юной девы переспросила ци-

ничная Маня и, не дожидаясь ответа, вызывающе продолжила: – В этом пока еще нет, а что?

– Да вот переедем и не попробуем...

Макс посмотрел поверх пальм в синее небо зимы. Тишина. Вокруг никого. Летом и осенью здесь, по склону холма напротив, как на живой картинке, каждый день слева направо медленно передвигается стадо коров. Они мирно пасутся, изредка нарушая полуденный покой протяжным мычаньем; из кустов у забора доносится стрекотание неутомимых цикад, а над холмом в поисках добычи сосредоточенно и всепогодно нарекает круги, раскинув черные крылья, большой *урубубу* (*гриф*).

– А сейчас зима, и в небе ни одного самолета... Нигде. Пандемичный пейзаж! *Урубубу-пунга, урубубу-бумба!*

Макс начал пританцовывать в воде, проверяя, не забыл ли он за ночь проснувшуюся в нем во время танцев на вчерашнем дне рождения – после двадцати лет жизни здесь – способность *самбировать*, то есть, двигаясь в такт *самбинье* (*легкий брейк-дэнс под веселую песенку на мотив самбы – прим.авт.*), быстро, по-блошиному подтанцовывать ногами, пластично виляя при этом бедрами – да что там, всем телом, эротично вовлекая все его жизненно важные части в зажигаемый ритм, но так, чтобы это не напоминало пляску святого Витта и не выходило за рамки приличий.

Бразильцы очень гордятся своим умением *самбировать* и называют эту способность *жингой*. Овладеть пластикой жин-

ги удается далеко не каждому простаку, тем более из *грингос* (иностранцев), которым, по мнению бразильцев, словно штырь внутрь вставили. По части самбы, хотя и не только ее, бразильцы радикально отличаются от своих близких соседей аргентинцев и всерьез их, кроме как в футболе, не воспринимают. Те выстрадали свой собственный легендарный национальный танец, пассионарный и сложный, многие элементы которого видны в современном фигурном катании и который так мало похож на легкомысленную бразильскую тряску в приступах не совсем понятной многим из иностранцев радости. Аргентинское танго придумали в конце XIX века мужчины-эмигранты. Они танцевали танго друг с другом, тоскуя в Новом свете из-за нехватки в те времена женщин-соотечественниц. Вот почему танго так тонок, так чувственен, пронизан неизбывным томлением и страстью и воплощает драму покорения женщины изголодавшимся и решительным, властным и готовым на все ради нее мужчиной. Серьезность и глубина отличают танго от ветреной, свободно летящей в никуда самбы Бразилии.

В связи с чем возникает вопрос: если в Бразилию и Аргентину в одинаковых количествах въехали эмигранты из одних и тех же стран Европы, то как в этих двух поселившихся рядом нациях, казалось бы, с относительно одинаковым южным характером, могли появиться два столь разных по эмоциональному заряду танца и, более того, две такие непохожие культуры: одна – гордо погруженная в прошлое

и ностальгирующая по былым временам, живущая в вечном дефолте и превосходящая всех соседей по числу психологов на душу населения, а другая – раскрепощенная, энергичная, преуспевающая, постоянно подтрунивающая над своим грустным соседом и, плохо ли, хорошо ли, но ставшая региональным экономическим лидером. Бразилия – США Южной Америки, это признают на всем континенте. Получается, что владевшие Аргентиной испанцы сглазили ее меланхолий, а их европейские соседи португальцы задали в Бразилии такой тон, что все, дескать, ничего, жить можно. Аргентинцы и бразильцы мало похожи. Интроверты и экстраверты. У одних темперамент жгучий и пылкий, у других – горячий и импульсивный. Одни – как серьезный старший брат в семье, другие – как младший, родившийся позже и неотягощенный ответственностью. Аргентина и Бразилия, такие близкие и такие разные. По-настоящему объяснить их несхожесть может один только Бог.

Маня все сидела напротив на кромке бассейна, лениво болтая в воде ногами. Щурясь от солнца, она наблюдала за грифом. Гриф охотился. Макс сделал вдох и неслышно опустился под воду. Достигнув дна, он снова оттолкнулся от стенки бассейна и направился в сторону Мани, заранее предвкушая, как он ее напугает. У самого дна вода действительно еще не прогрелась, но сейчас это было не важно: целью Макса были Манины загорелые ноги – и вот он уже перед ними. Макс крепко обхватил их с обеих сторон и начал заби-

раться перехватом наверх, одновременно стараясь, как *жакаре* (*крокодил*), стащить Маню вниз, в холодный бассейн. При этом он злорадно орал: «Ага! Вот я тебя сейчас съем, Красная шапочка!» Захваченная врасплох, Маня почти сразу оказалась в воде, громко визжа от испуга и резкой смены температуры. Макс был в восторге от своей идиотской шутки, которая почти всегда ему удавалась. Единственное, что мешало, был белый эмиратский халат. Макс запутался в нем, и ему стало трудно удерживать Маню: она была сильная и уже стала оказывать серьезное сопротивление.

– Хватит, оставь меня, холод какой! Очень глупая шутка! – старалась высвободиться она. – Скоро гости придут!

Роли поменялись. Теперь она тащила жакаре к лестнице из воды, а тот упирался и почему-то рычал как медведь, все еще цепляясь за свою жертву слабеющей хваткой. Наконец оба с шумом и брызгами кое-как вылезли из бассейна, таща за собой мокрый халат. Макс был доволен, Маня тоже – каждый по-своему. Его радовало, что шутка все-таки удалась, а ей нравилось, что крокодил, как всегда, в конце ей борьбу проиграл и теперь весь остаток дня должен будет беспрекословно выполнять ее указания.

Глава 3. Гости и потом у камина

Гости пришли на час позже, что для бразильцев обычное дело. Аугусто подарил Максу большой зеленый кокос (их кругом было много), а Жизели принесла продать Мане фирменную антиковидную маску от *Louis Vuitton*. Жизели ска-

зала, что уже купила такую себе и очень ею довольна. Макс заметил ей, что на эмблеме Луи буква «L» выписана как «I», и усомнился, а тот ли это Виттон. Маня примерила маску и, назло Максу, решила купить.

– *Amor (дорогой)*, можешь дать мне триста реалов? Я завтра отдам.

Маня блюла экономическую самостоятельность и ею гордилась. Она теперь сама возглавляла их семейную компанию и Макса к делам особо не подпускала: у нее были свои соображения на этот счет, да Макс и сам не хотел влезать. Он эту компанию создал и до сих пор часто кредитовал, но свои дела любил вести в одиночку, зарабатывая отдельно. К тому же в пандемию он неожиданно для себя начал баловаться пером и время от времени ездил в Европу в деловые командировки. Собственный бизнес Макс прокручивал лишь иногда, но по-крупному, так что потом хватало на год вперед. Маня при этом радовалась и за него, и за семью, но вида не подавала, чтобы Макс не зазнался. – Ты зазнайка и сноб, – говорила она ему. Такая у них была экономика.

Оставив мужей в гостиной, Маня с Жизели ушли повисеть в соцсетях. А Макс пригласил Аугусто продегустировать марочное вино из Аргентины и принялся жаловаться на резко подорожавшего садовника, но особенно на *маритак*, окончательно поселившихся в их поселке. Эти зеленые попугаи размером с большую ворону быстро плодились, непрерывно летали, громко галдя, а если садились, то обязательно

но на крышу его дома и дома соседа и стучали клювами по черепице, лишая покоя. У соседа на чердаке они сжевали электропроводку. Это вызвало короткое замыкание, и полдня сосед сидел без света – прибежал к Максусу телефон заряжать. Макс накупил китайских фейерверков-хлопушек, чтобы пугать маритак и отвадить их от своего дома, но у всех во-круг, кроме него, в садах росли фрукты. Бразилия – тропи-ки, фруктовый край! Повсюду для наглых птиц было полно дармовых бананов и манго, *гойябы* и *маракужи* (известных в России как «гуайява и маракуйя бразильская» – прим.авт.). Зеленые твари все это усиленно потребляли и непрестанно гадили. У них здесь был свой коммунизм! Всегда, с рожде-ния. Строить им его не пришлось. Им его просто дали и ни-чего не попросили взамен.

Одна из хлопушек-ракет, купленных для обороны от ма-ритак, на днях залетела к соседу – тому самому, у которо-го перед этим случилось короткое замыкание, и чуть не со-жгла старый сарай. Нехорошо получилось, благо пожарных не пришлось вызывать. Сарай уцелел, но солома на его кры-ше сгорела. Макс извинился и пообещал новую крышу пол-ностью оплатить. Но что теперь было делать с пернатой га-достью? «Может, излучение какое на них навести? – думал он. – Есть же, скажем, специальная акустика против акул!»

Аугусто Максусу явно не посочувствовал. Он заметил, что звери и птицы – божьи твари и что их, как и всю живую при-роду, надобно беззаветно любить и терпеть, ибо они от Бога.

Аугусто писал в тот момент новую книгу об исчезающих видах пальм и пожарах в лесах Амазонки. Пожары у Макса и коварные маритаки его не тронули. Он лишь указал Максу, что проблема не в них, а в нем самом. – Не парься, просто забей! – посоветовал флегматик-сосед.

Аугусто знал, что Макс тоже начал писать, и спросил, как у него идет это дело. Макс признался, что пока ничего толкового сочинить не смог.

– Все время сбиваюсь на рэп, в общем, не знаю. Видно, Стивеном Кингом мне не стать!

– Не бойсь, станешь! – подбодрил его Аугусто, напомнив этим Максу его тещу от первого брака. Только начав водить машину, он вместе с тещей в очередной раз заглох прямо на железнодорожном переезде у Одинцово. Сзади гудели и орали трехэтажным, явно намекая Максу, что, мол, преждевременно он сел за руль и шел бы он лучше обратно в ту автошколу, откуда вышел. «Не обращай внимания, – сказала тогда ему генеральша-теща, – еще лучше их на педали будешь давить, все шоферы дебилы!»

– Само придет, – с видом бывалого успокоил теперь Макса сосед. – Не боги горшки обжигают. Стерпится – слюбится, – зачем-то добавил он, оглядывая картины на стенах.

– А это откуда? Я ее у тебя раньше не видел.

– Да вот, привез из города, залежалась в шкафу. Репродукция, маслом на натуральном холсте.

– Эту картину я очень люблю, это же *Гугенгейм*. Нет, *Мет-*

рополитен.

Уже при первом знакомстве Аугусто поразил Макса своей эрудицией. Макс знал, что ни к какому Гугенгейму нормальный бразилец в Нью-Йорке и близко не подойдет. «Хотите увидеть живого бразильца – идите на распродажи на Седьмой авеню», – говорил он про местных своим соотечественникам.

– Это Гоген, Аугусто. «*Ареареа*,» («*Забавы*,»).

– Знаю, знаю ее, видел в Нью-Йорке, – отозвался Аугусто.

Нью-Йорк для бразильцев – что для мусульман Мекка. Кто не был в Нью-Йорке, тот жизни не видел.

– В Нью-Йорке похожая есть, а эта из Парижа, из музея Орсе, – просветил Макс.

Аугусто долго рассматривал таитянок Гогена, от удовольствия причмокивая языком. «Повезло мне с соседом, – подумал Макс. – Такой же, как я, культурный и образованный».

Пообщавшись немного, интеллигентные соседи скоро ушли. Бразильцы выпить не особо сильны, а к дистиллятам в массе своей равнодушны: нет привычки из-за в целом жаркого климата. Здесь больше предпочитают напитки легкого типа – пиво и коктейли по разным рецептам, в сочетании с самбой и тактильной ламбадой на дискотеке.

Макс начал думать, чем бы ему заняться. Было еще не поздно, часов восемь вечера. Маня села на *Zoom* с Гонконгом – где настало утро понедельника, а Макс решил разжечь камин. Как и сам дом, камин был сложен *блументальскими*

немцами с юга страны. Сложен отменно и получился большим: целиком вместил бы барашка на вертеле. Но жарить барашка в тот вечер было незачем. Макс кинул в камин охапку дров эвкалипта. Огонь разгорелся, и стало жарко. Холод ушел. «Завтра включу батареи, – подумал Макс, а сейчас камином погреемся. Греть он будет, пока горит, и сразу остынет, когда потухнет. Но дров наколото много». Приготовленная для вечера с Аугусто бутылка «*Анжелики Санаты*» осталась нетронутой. – Может наши соседи веганы? Сейчас это модно. От вина отказались. Принесли мне зеленый орех, а ведь мы не на пляже, чтобы пить холодный кокос! Назвали свою дачу «*Шангри-Ла*»! Спрошу потом Маню, они, что, веганы? Им тогда надо другое вино – их, веганское, безалкогольное! Ну и прекрасно! – Макс хлопнул пробкой, открывая бутылку, – нам больше достанется».

– *Amor*, ты там без меня не начинай!

«Вот Маня, как она все слышит и видит, – чертыхнулся Макс, – ее перископ и радар ничего не пропустят!»

– Конечно, мой друг, а ты скоро? Давай! Мы тебя ждем – я и наша «Анжелика».

Вино из Мендосы, прозрачно-рубиновое, чуть густоватое, каберне-совиньон. Они пили его в Патагонии, в Барилоче, перед отъездом домой. Кстати, беглых нацистов, о которых Макс читал еще в институте, в Барилоче он так и не встретил, зато поразили немецкий порядок, чистота и большое количество сенбернардов на улицах. И вправду Швейцария в Юж-

ной Америке. Целыми днями он катался в горах на лыжах и ел шоколад. Вряд ли кто из его русских друзей забирался так далеко, не считая друга детства Гарика Д. Тот добрался с семьей до самой Антарктиды и выложил фотки. В Патагонии климат другой: Антарктида под боком. Антарктика – Анти-Арктика, Юг Земли. Из нее на провинцию Рио-Негро дышит глобальная морозилка. А какие секвойи! Сказочный лес, где становишься гномом, попав в иной мир, поражающий возрастом и размером этих деревьев.

«Анжелика» начала действовать. Нечаянно взгляд Макса упал на таитянок Гогена, и путешествие к Южному полюсу прервалось. Задернутое шторкой воспоминаний сознание напомнило: а сейчас ты на даче, в двух шагах от Южного тропика, который еще называют тропиком Козерога. Таитянки закивали головами, подтверждая этот географический факт. Они сидели, поджав ноги, в тени пальмы. Одна наигрывала на свирели простую мелодию, а другая гладила тропическую собаку оранжевого цвета. Украдкой они поглядывали на Макса и, смущенно прикрыв рот ладошками, о чем-то перешептывались и хихикали.

– Скажи им, что у меня, у Южного тропика, на улице сейчас холодно, всего плюс пять, – усмехнулся Макс, – не поверят, если, конечно, вообще знают, что такое температура. В любом случае наверняка позовут меня к себе, отогреться. Но я пока подожду. У меня есть камин. А у них пляж, он там за пальмами, а на пляже жара. Раскаленный песок вот-вот

расплавится в изогнутом зноем пространстве и превратится в стекло. Стекло перельется в море и сделает воду у самой кромки бесцветной, а дальше – бирюзовой и синей, и так до самого горизонта. Пусть сидят себе в тени пальм таитянки, наслаждаясь волшебным моментом, как в моем саду у Дерева жизни. Макс посмотрел на огонь. Жар напомнил ему *Гуаружу*, первое место на побережье, где он побывал. «Надо бы съездить на море, развеяться, а заодно испытать парашют», – вспомнил он о своей второй недавней покупке.

– Уже иду! – послышалось сверху, и Макс наполнил бокал жене. Меньше четверти, чтобы не расплескалось. Она любила раскрутить в бокале вино, чтобы почувствовать его аромат.

Глава 4. Другое завтра – январь 2003 года – солнце-пек – прыжок в пустоту

Завтра пришло неожиданно. Оно хлынуло в ее окна золотыми лучами бодрого летнего солнца, наполнив наступившее утро теплом и надежной заботой. Солнце настойчиво приглашало выйти навстречу новому дню, обещавшему радость полета к неведомым берегам на другом крае земли. Вчерашнее завтра превратилось в сегодня и тормозило ее: просыпайся, Монализа, вставай! Я здесь! Я твой день!

«Я твой день, сегодня и завтра, Ты слышишь шум моря? Это ветер и волны, они ждут тебя там, у кромки воды!» – как ей нравится этот припев из песни Энзо, одной из ее любимых.

Характерный стрекот лопасти геликоптера слышится все ближе и ближе. Монализа быстро встает с кровати и подходит к окну. За окном, прямо над садом, вдруг возникает огромный одноглазый кузнец-богомол. Неприятно лязгая всем своим естеством, железное чудовище висит в воздухе и, чуть покачиваясь и кляня носом, начинает высматривать, где бы ему приземлиться. Не находя места, оно громко ревет и стонет, а его крылья-лопасти, свистя и прихлопывая, поднимают в саду ураган из пыли и листьев, мощным потоком унося прочь красные цветки *фламбои*, сорванные с ее растерзанной кроны.

– Ну не урод, сейчас в дом влетит! Разнесет винтом крышу, совсем спятил! Что тебе надо? Снова перепугать всех! – Монализа нервно вздыхает и задергивает занавеску...

– Лиз, я хочу показать тебе мою новую песню, – бубнит в телефон Энзо своим чуть осипшим, простуженным голосом. Монализа помнит, как он потерял голос: конечно, не из-за пения или простуды. Из-за кокаина. Кокс у певцов всегда в моде, но сейчас Энзо чист как стеклышко и, слава богу, снова запел.

– *Пичуга (пташка моя)*, я посвятил ее нам, – монотонно поет он в трубку. – Нам надо увидеться.

– Не могу. Мы с Кайо и Неей едем на побережье. Я же тебе сказала, между нами все кончено, понимаешь? – она очень старается его не обидеть.

– А ты все равно приезжай, не телефонный у меня к тебе

разговор, – Энзо ее будто не слышит. – У меня для вас с Кайо сюрприз. Уверен, он вам понравится.

– И так три субботы подряд. Звонит и звонит, а потом вот этот его вертолет. Ну не достал!

Закончить тянувшийся, казалось, целую вечность роман с Энзо Монализа решила еще в конце зимы, в августе. За время их близости, которая началась неожиданно и впоследствии проходила, как и положено у бразильцев итальянских кровей, бурно и драматично – то в горячих объятьях и клятвах в вечной любви, то в скандалах и обвинениях в обоюдных изменах, – шикарный образ именитого Энзо Галлари с его популярностью и хитами в бразильских чартах поистрепался и растерял привлекательность в воображении Монализы, успевшей превратиться из маленькой Лизы, его фанатки, в зрелую, целеустремленную и красивую молодую женщину. А еще она встретила Влада.

Влад Сергеев, бывший артист балета Большого театра, приехал в Бразилию преподавателем-хореографом к кузену Монализы Карло Беррини. Кузен Карло, окончивший в Нью-Йорке курсы чечетки и слывший в Сан-Паулу лучшим чечеточником Южной Америки, владел на паях с бывшей балериной Милой Бзуркевич, эмигрировавшей в Бразилию из Польши после Второй мировой войны, школой балета в известном фешенебельном районе *Морумби*. Влад, выйдя в сорок лет на положенную ему пенсию, нуждался в работе и через друзей и знакомых вышел на Карло и Милу. Послед-

няя без долгих раздумий пригласила его к себе, но сама, будучи на восьмом десятке, внезапно почила, и встречал Влада в Сан-Паулу уже один Карло. На следующий же день после приезда он привел гостя в школу проверить, действительно ли так хорош бывший артист Большого. Но Влад оказался не просто хорош, он превзошел все ожидания. Виртуозно исполнив ведущую партию Спартака из одноименного балета, он не только сразу покори́л всех, кто был в тот момент в школе и увидел его в деле, но и неприятно задел своим танцем честолюбивого Карло.

За выступлением Влада наблюдала и Монализа – одна из выпускниц школы. Она закончила у Милы курс современного балетного танца и теперь гастролировала по стране с сольным номером «самба в пуантах». Во Влада она влюбилась сразу. Русский был белокур, статен и танцевал как бог, чем напрочь пленил сердце молодой балерины, вытеснив оттуда надоевшего, капризного Энзо.

Влад без прелюдий ушел с головой в работу, не дожидаясь, пока Карлик (так он с первого взгляда окрестил своего нанимателя) подыщет ему квартиру и предложит постоянный контракт. Пользуясь паузой в гастролях, Монализа стала приходить в школу днем, чтобы посмотреть на занятия Влада, а вечерами вывозила его в город поужинать и поучить португальскому. Влад, продолжавший пока жить у Карло, с радостью принимал ее приглашения, и вскоре у сластолюбца-кузена появились на него не только профессиональные

виды. Он стал ревновать его к двоюродной сестре. Как-то раз Влад, вернувшись домой поздним вечером, застал Карлика в весьма пикантном положении с темнокожим любовником – тоже из балетных кругов. Так страстный Карло попытался заставить Влада обратить на себя внимание, но просчитался. Влад совсем перестал уважать его и с помощью Монализы подыскал себе другое жилье

Отношения Карло и Влада испортились. Карло обвинил Влада в нелояльности школе, а Влад его – в невыплате причитающейся зарплаты. Однажды, как всегда спозаранку, Карлик поднял Влада на ноги и предложил подписать расписку в получении денег. Влад, толком не разобравшись, бумагу подмахнул, после чего получил на руки половину месячного жалованья и билет на вечерний рейс «Аэрофлота» Сан-Паулу – Москва с рекомендацией отправляться в аэропорт немедленно. Карло объяснил Владу, что подписанный им документ на самом деле был заявлением о расторжении трудового договора со школой, которое якобы автоматически сделало его рабочую визу недействительной. Это была ложь, но Влад, как и подобает танцору, в визах особо не разбирался. Карло пригрозил ему вызовом федеральной полиции и тюрьмой в случае неотъезда. Простодушный Влад перепугался, улетел в тот же вечер в Россию и оттуда принялся писать Монализе письма, умоляя разобраться с его делом и снова пригласить на работу (школы ГАБТ в *Жоэнвилли* тогда еще не было). Монализа, как девушка решительная, понес-

ла его письма в российское консульство и там повстречала Артема.

Артем Смолин был консулом, вторым после генерального. Он внимательно выслушал историю Влада, согласился, что артиста коварным образом обманули, и пообещал разобраться. Пока разбирались, прошло время, и Влад написал, что на сезон нашел балетную работу в Варшаве, хотя сердцем по-прежнему стремится в Сан-Паулу.

Судьба, однако, распорядилась иначе. Дело Влада так сблизило Артема и Лизу, что вдвоем они не только продолжали наносить визиты в полицию и к адвокатам, но и начали вместе ездить на пляж, ходить в кино, в рестораны, на балет и концерты классической музыки, уважительно называемой у бразильцев «музыкой эрудитов». Далекий Влад понемногу стал забываться и все больше растворяться в пространстве, а вскоре и вовсе исчез с радаров, в то время как Артем и Лиза в порядке эксперимента зажили вместе на консульской квартире у *Арчи* (так влюбчивая Монализа нарекла своего нового друга) в приятном зеленом районе *Жардиньс*. Об этой истории, конечно, узнал Энзо, возмущившийся вероломством Лизы и русских. Поэтому, когда Монализа, оставив Арчи на время в Сан-Паулу, где в начале года в консульстве было много работы, уехала с сыном и подругой на каникулы к морю в Гуаружу, коварный Энзо выведал у ее матери, доны Веры Беррини, адрес, арендовал вертолет и стал по субботам прилетать на нем к дому неверной подруги, пытаясь вызвать

ее на прямой разговор. Монализа на разговор не шла. Все уже сказано по телефону, считала она...

– Ма, привет! – На пороге спальни появляется разбуженный Кайо. – Это опять дядя Энзо, это он прилетел? Он меня разбудил.

– Привет, иди сюда, мама тебя поцелует. – Черт, ну и грохот! Дом ходуном ходит. – Да, сынок, дядя Энзо, принесла же нелегкая!

– А почему нелегкая? Если была бы нелегкая, он бы не смог летать. Ма, а он нас покатает?

– Обязательно покатает, но в другой раз.

– Я сейчас полицию вызову, – кричит Нея из глубины дома.

– Иди одевайся, – Монализа ерошит волосы на голове сына. – Поцелуй тетю Нею. Сейчас позавтракаем и на пляж, пока не так жарко.

Вертолет-богомол дяди Энзо в саду надрывается дальше, но из дома никто к нему не выходит. Психическая атака не удалась; одноглазый кузнец-богомол, аргентинская саранча, вынужден сконфуженно ретироваться, металлический стрекот слабеет, и вскоре его больше не слышно, в дом возвращается тишина. Кайо с утра особо не голоден. Быстрее бы к морю, на пляж! Атлантический океан в Бразилии называют морем, когда говорят о нем не в географическом смысле.

Народу с утра на пляже немного. Пляж дикий, туристов и ресторанов здесь нет. Расположиться можно даже в тени,

хотя и не у самой воды, как хочет Кайо.

– Кайо, там тени нет! – кричит Нея. Они с Монализой выбирают пока еще прохладное место под большой, развесистой пальмой. Расстилают бамбуковые циновки, полотенца и быстро устраиваются. «Я полицию вызову», – вдруг проносится в голове Монализы. – Но какой смысл? Сесть-то вертолету во дворе все равно негде. Да ладно, забудь!» – приказывает себя она.

И вот наконец главное, для чего они здесь. Обгоняя друг друга, они мчатся к воде. Прибой взбивает из нее белую пену, которая, шипя, снова превращается в воду. Море со вздохом оттаскивает назад выдохшуюся волну, а поверх нее посылает новую, и так без конца, волна за волной. Нея и Кайо на мелководье, защищенном выступом пологой скалы, подныривают под волны и выскакивают с другой стороны высоко вверх, зажав носы пальцами, чтобы встретить следующую волну, а потом еще и еще. Они играют в пингвинов. Течение с юга иногда и правда приносит сюда настоящих пингвинов – совсем небольших, но, как положено пингвинам, статных и чопорных, в черных вечерних фраках. Кайо и Нея готовы играть в них до посинения, пока не кончатся волны. Кайо обожает море, а Нея – вообще *серейя (русалка)*. Плавать с самого детства, была даже чемпионкой среди юниоров в *Рио* и *Флорианополисе*. Но спорт бросила рано и сейчас, как многие из бывших спортсменов, набрала лишний вес, отчего друзья простодушно зовут ее *Мортаделлой*. Нея

– человек добрый и не обижается. Она лишь хотела бы с кем-нибудь познакомиться, как более удачливая Монализа. Ей очень нравится Энзо, но теперь она честно встала на сторону подруги.

Усталые после купания, они возвращаются к своему месту. Однако там, где была тень, теперь солнце. Все придется перетаскивать в новую тень. Кайо снова рвется к воде, но его не пускают. Ну что ж, тогда он вылепит кулич или построит замок. Нея поможет, она строит отличные замки!

«Отчего мне тревожно?» – думает Монализа.

Не долепив кулич, Кайо перебирается на расстеленные полотенца и засыпает: встал-то ведь рано. Нея, прикрыв глаза его майкой, загорает там, где только что была благодатная тень. Становится жарко. Январь, разгар лета. Близится полдень. Солнце над самым тропиком почти в зените. Размеренно дыша, океан выгибает во всю длину пляжа вырастающий из воды вал прилива, неспешно поднимает его стеной и закручивает в волну. Перекатом он гонит ее на раскаленный от зноя берег, но передумав, вдруг надламывает и обрушивает ее под себя, взбивая белые буруны и пену. Запоздав на секунду, над берегом рокочет тяжкий удар– буух! Следует пауза и новое «буух!» – непрерывно работает молот прибоя.

По берегу взад-вперед перемещается седой загорелый мужчина. Он сосредоточенно смотрит перед собой и еще немного в сторону Неи. В руках у него металлоискатель. Мужчина ищет в белом песке оброненные серьги, монеты и

кольца. Романтик! Откуда на диком пляже таким сокровищам взяться?

Над морем со стороны мыса неожиданно появляется точка; она растет, и вот уже слышен знакомый металлический стрекот пропеллера. «Кузнечик, опять аргентинский кузнечик!» – приходит в сознание задремавшая Нея. Кузнечик подлетает все ближе и ближе и превращается в бурую жабу с лапами-поплавками и огромным прозрачно-зеленым глазом посреди вздутого туловища. Жабу несут по воздуху стрекозиные крылья, образуя поверх нее отливающий блеском металла прозрачный диск.

– Энзо! – моментально раскрывает секрет бурой жабы Лиза.

Жаба приводняется под прикрытием скалистого выступа, и на ее поплавке-лапе возникает знакомый силуэт. Так и есть, это Энзо. В руках у него белый флаг. Он поднимает флаг и начинает размахивать им, чтобы привлечь внимание. Конечно, внимание Монализы. Жестом он просит ее подойти!

– Да иди ты уже, – не выдерживает Нея. – Решешь все сейчас, и точка. А может быть, вы друг к другу еще вернетесь?

– Нет, Нея, не вернемся! – Монализа резко встает и бежит к воде. Вертолет плещется совсем близко.

– Энзо, ну что тебе?

– Не слышу, пичуга! Плыви лучше сюда!

– Сам плыви!

– Не могу, – Энзо указывает на флаг и наушники. – У берега меня может перевернуть!

– Надо с этим кончать! Сейчас или никогда! – решает Лиза. Она забегает в воду, подныривает под волну и плывет к вертолету. Плыть нелегко, море волнуется. Присев в проеме стеклянного пузыря своей жабы, Энзо дает ей советы, как лучше плыть. – Тоже мне, советчик нашелся!

Наконец Лиза у цели. Она хватается за понтон-поплавок, подтягивается из воды и усаживается на него сверху. Поверхность понтона горячая, но сидеть можно.

– Поднимайся, – говорит ей Энзо, – держи руку.

Поколебавшись, Монализа принимает помощь и встает на понтоне во весь рост, ухватившись за поручень слева.

– Так-то лучше, – не скрывает радости Энзо. Он отступает назад и, бухаясь в кресло пилота, бросает на пол кабины свой белый флаг.

– Давай, залезай, садись. Я тут клеенку для тебя подстелил, чтоб не намокло.

– Заранее знал, гад, что я соглашусь! – отмечает про себя Монализа.

Пока Монализа садится, Энзо включает двигатель.

– Это чтобы к берегу не снесло, – с фальшью в голосе объясняет он.

Машина начинает медленно двигаться в открытое море, но вдруг набирает скорость и, покачнувшись, поднимается в воздух. Все происходит в мгновение ока, будто во сне.

– Ты куда? – Монализа вдруг понимает, на какое коварство пошел ее бывший любовник. – Ты куда меня тащишь, куда мы летим? Там же Кайо, ты спятил!

– Кайо с Неей, – голос своенравного Энзо звучит теперь цинично и сухо. – Полетели ко мне, у меня же здесь вилла, за мысом, нам надо поговорить.

Монализа возмущена. Да как он посмел так ее обмануть! Пару секунд она, колеблясь, еще сидит рядом с Энзо, переживая его новое вероломство, и выносит вердикт: «Подлец!» Рывком выдернув себя из пассажирского кресла, она распаивает не захлопнувшуюся до конца дверцу кабины. Хватается за поручень извне, делает проворот в *demi plie*, как учил ее Влад, и соскальзывает ногами на еще теплый понтон. Теперь Монализа летит как каскадерша, повернувшись лицом к Энзо и спиной к морю. Вертолет еще не набрал высоту, до воды метров десять, но сверху ей кажется, что уже высоко! Какой ужас эта вода там внизу! Будто серый асфальт на шоссе. Недобро блестя, вода с сумасшедшей скоростью уносится назад к пляжу, а тот уменьшается в размерах так быстро, что до него, кажется, уже не добраться.

– Поворачивай к берегу, или я прыгну! – кричит она Энзо.

– Что? – Энзо делает вид, что не слышит.

– Я прыгну сейчас!

Пока она здесь, на понтоне, не поздно еще передумать. «Ну и ветрище, как сегодня в саду!» – проносится у нее в голове.

Геликоптер уносит их все дальше от берега.

– Не прыгнешь, *ma petite fouettée du Consul de Russie* (мое хрупкое фуэте русского консула – вольный перевод авт.), – начинает юродствовать Энзо. Он слегка испуган: не слишком ли далеко он зашел в своей маленькой уловке? Но Черного лебедя в нем уже не унять.

– Ты не Нея, да и ей отсюда теперь не доплыть, – глумится злой гений.

– А ты, Энзо, дерьмо! Презираю тебя! – Лиза кричит, но ветер относит ее слова назад, в сторону берега.

«Еще секунду, не больше, – вызывает ее внутренний голос, – давай, соберись, прыгай сейчас, потом будет поздно: дверцей с размаху плечо разmozжит, ты не удержишься, упадешь боком и разобьешься!»

Вертолет резко взмывает вверх, и Монализа крепко смыкает глаза. Как в замедленной съемке, палец за пальцем она отпускает спасительный поручень, осторожно ступая с понтона назад, в упругий поток горячего воздуха. Может быть, он удержит ее!

Но нет, коварный поток сразу подвел. Не найдя в нем опоры, она проваливается в пустоту. Ее стремительно увлекает в бездну, все больше ускоряя в свободном падении. Невесомость перехватывает дыхание и в мгновение лишает тела. Едва начавшись, затяжной прыжок в бесконечность становится невыносим. Монализа кричит о помощи: «Мама, мамочка, как мне страшно!» Бешено сменяют друг друга в

сумасшедшем калейдоскопе лица матери, Кайо, Артема..., а она, лишаясь сознания, безвозвратно падает в бездонную пропасть, в неизвестность и мрак. Потерявшись в пространстве, ее душа уже готова выйти из тела, но вдруг кто-то наносит ей страшный удар, и в ужасе она лишь успевает подумать: «Я разбилась, это конец!» За ним – чернота...

... «Что это – может быть, снова авария, как тогда в октябре? Я помню эти мгновения, тот страшный удар о серый асфальт! Но что же было сейчас?»

«А сейчас ты прыгала в воду!» – Монализа приходит в себя. Ей видятся Энзо, его вертолет и она на понтоне. Она видит, как шагнула назад, и знает, зачем это сделала. Ветер и шум остались там, наверху, и вокруг теперь холодная тишина. «Я умерла?» Она поднимает голову. Сквозь толщу воды просвечивает круг желтого солнца. Надо срочно подняться к нему, решает Монализа и делает сильный толчок ногами. Она начинает двигаться вверх, к зовущему спасительному сиянию, и, уже почти задохнувшись, наконец выныривает на поверхность.

Глава 5. Рассекая волны

Отдышавшись, Монализа ищет глазами берег. Вон он: не так далеко, как казалось. На нем даже можно различить фигурки людей. Они сбегались на пляж понаблюдать за происходящим, а впереди всех, похоже, Кайо и Нея и тот мужчина с металлоискателем. До пляжа, наверное, с полкилометра или чуть больше. Монализа начинает плыть и плывет

брассом, для экономии сил. Она смотрит прямо перед собой, ее руки и ноги ритмично работают, она ловит набегающий вал и делает дополнительное усилие, чтобы проплыть с ним чуть дальше вперед и выиграть несколько метров. Она дышит ровно и усталости не чувствует. На вертолет Энзо Лиза не смотрит. Его для нее теперь больше не существует. Лишь на секунду она поднимает из воды руку и показывает Энзо вытянутый средний палец, чтобы тот убирался прочь. Вертолет бестолково кружит над ней, то снижаясь, то поднимаясь вновь. Он только мешает сосредоточиться. Из его кабины вылетает что-то оранжевое – спасательный жилет. Но жилет сносит ветром, и он падает уже позади. Ненужная, бесполезная помощь. Вертолет качает понтонами и улетает в сторону мыса. «Скатертью дорога», – думает Монализа.

Солнце начинает печь голову, и Монализа переворачивается на спину. Она плавает на спине, но вскоре чувствует, что солнце теперь обжигает ей лоб и губы. Она снова переворачивается, чтобы плыть брассом, и видит, что маленькие фигурки на берегу немного переместились, но в размерах не увеличились. У нее возникает плохое предчувствие. Монализа переходит на кроль. Ритмично забрасывая руки вперед и активно помогая себе ногами, она плавает быстро и долго. Устав, она на спине отдыхает, потом снова брасс. Она опять смотрит на берег и видит, что тот отдалился. Со страхом она понимает, что попала в течение, которое относит ее в открытое море. Она совсем не приблизилась к пляжу. Но

если остановиться, течение унесет ее далеко, откуда уже не вернуться. Вода становится холодней. Монализа ложится на бок. Губы ее распухли от соли, солнце нещадно палит лицо. Приходит усталость, а с ней апатия. Надо бы взять наискосок и попробовать выплыть из коварной стремнины. Она знает, такие течения идут полосой, они неустойчивы и в какой-то момент могут исчезнуть так же внезапно, как появились. Но ждать нельзя, надо из течения выбираться. Она переворачивается на живот и опять плывет брассом, теперь уже почти параллельно берегу. Затем в отчаянии переходит на кроль и плывет, плывет дальше до изнеможения.

Спустя минуты Монализа снова ложится на спину и, раскинув в стороны ноги и руки, отдыхает. Расслабляться долго нельзя. Она переворачивается и смотрит на берег, ставший тонкой белой полоской с зеленою гор за ней, похожих на брокколи. В нескольких метрах из воды появляется чей-то плавник. «Господи, неужели акула? Акул же здесь нет, еще дед-рыбак говорил! Но их нет на пляже, у берега, а как здесь?» Монализа точно не знает. Она пытается разглядеть плавник, но мешает мелкая зыбь. Зыбь качает ее, и плавник то исчезает, то появляется вновь и кружит рядом. Акула играет с Монализой, специально хочет ее запугать. Лиза снова пускается плыть изо всех сил в сторону от пляжа: ей кажется, что если она выплывет из течения, то уйдет и от жестокой акулы. Она молотит воду руками, вспенивает ее ногами сильней и сильней, но сразу же выдыхается. Тогда она

плывет на спине. Выбор у нее невелик. Ее пробирает озноб. Плавник опять близко, но Монализа устала, и он больше ее не пугает. «Пусть будет, что будет» – звучит в ее голове рефрен другой песни Энзо. Плавник возникает совсем рядом, и из воды высовывается серая кочерыжка. Это морда дельфина! Дельфин подныривает под нее и всплывает так близко, что касается ее своим боком. Но это совсем не страшно. «Сейчас ухвачусь за него, как в цирке, – устало фантазирует ее мозг, – пусть везет меня до самого берега!»

Но что это? Снова шум геликоптера Энзо? Нет, это синий с белым вертолет Службы спасателей. Энзо вызвал его по рации, догадывается Лиза. «Продержись чуть-чуть и не наглотайся воды!» – командует себе она, задыхаясь. Вертолет зависает над ней и спускает трос, на конце которого закреплена шлейка. Она опускается в воду рядом. Из последних сил Лиза продевает ее подмышки. Держась двумя руками за трос, кивком головы она делает спасателям знак: готова, можете поднимать. Трос тащит ее наверх. Снова ураганный воздушный поток и свист лопастей. Через минуту Монализу втаскивают на борт.

– Как тебя сюда занесло? – подбадривает ее вопросом молодой загорелый спасатель. Но она не в силах ответить. Она не видит его из-за слез в глазах и лишь шепчет:

– Отвезите меня к сыну на берег...

Свесив ноги, Монализа неловко сползает из кабины на горячий песок и старается найти в толпе Кайо. Разноцветные

круги пляшут перед глазами. Где он?

– Кайо, ты где? Кайо с Неей бегут ей навстречу. Она видит Кайо и успокаивается. Ни моря, ни солнца вокруг больше нет. Вместо них опять подступает чернильный мрак, и Лиза теряет сознание. Издали за ними наблюдает мужчина с металлоискателем, а над морем продолжает кружить уродец-кузнечик из Аргентины. Спасатели вызывают скорую.

До конца дня Монализа пролежала под капельницей, а потом ее отпустили: в бразильских больницах пациентов подолгу не держат. Ничего серьезного врачи не нашли – наглоталась воды да ожоги лица. Здоровье у Лизы отменное, крепкое от рождения. Как у лошади, – часто говорил ей потом Артем.

Вернувшись домой, Монализа решила, что никто – ни ее врач, ни друзья, ни Кайо, ни мать – никогда не узнает всех подробностей ее второй встречи со смертью, там, в километре от берега Гуаружи. Всю ночь она проспала, то обнимая Кайо, то отстраняя его. Она вздрагивала всем телом, отбрасывала и возвращала подушку, ногами отталкивала и подбирала одеяло и снова и снова прижимала Кайо к груди. Кайо ее ни разу не разбудил. Он заботливо гладил мать, чтобы успокоить ее, как взрослый.

На следующий день они уезжали в Сан-Паулу. Это было последнее воскресенье, каникулы кончились. В машине, по дороге домой, все трое договорились историю про вертолет никому не рассказывать и самим постараться поскорее о ней

забыть.

Ее Монализа поведала лишь Артему – неделю спустя, во всех подробностях, и потом еще несколько раз – в разное время. Ему она странным образом нравилась и его увлекала. Монализа была хорошей рассказчицей. Артем сказал ей тогда, что Энзо ее не стоит, и предупредил, что, если увидит его, убьет. Постепенно рассказы про Энзо стали восприниматься привычно и с разных сторон обросли новыми сюжетами – об аварии на шоссе после ссоры, о том, как до этого Монализа играла в футбол, а Энзо ходил на все ее матчи, и как аккуратно после аварии ее пригласили играть за футбольный клуб «Португеза». Туда она приехала в гипсе, на костылях, с переломом ключицы, четырех ребер и правой ноги. Врач «Португезы», осмотрев ее, решил, что на предстоящий сезон, да и после, рассчитывать на Монализу нечего, и клуб свое приглашение отозвал. Так рассказывала она.

Услышав про «Португезу», Артем в первый раз открыто засомневался и даже посмеялся над Лизой: какая, мол, из нее футболистка, если она говорит, что она балерина?! Это были, на его взгляд, вещи несовместные. Монализа тогда смутилась и просто вышла из комнаты. Впоследствии он неоднократно предлагал ей сыграть с ним в футбол – для забавы и для проверки, один на один, но каждый раз Монализа отказывалась. Однажды он спросил ее мать, дону Веру, знала ли она Энзо Галлари и что он за человек, но пожилая итальянка, обычно весьма разговорчивая и всегда обходитель-

ная с Артемом, только пожала плечами и, как дочь, молча покинула гостиную. Кайо Энзо совсем не помнил, и только верная Нея не раз потом подтвердила, что Энзо Галлари преследовал Монализу всегда и везде.

Глава 6. Митя — Гуаружа – Ривьера – сентябрь 2020 года

В субботу спозаранку у Макса настойчиво зазвонил телефон. «Черт, забыл отключить. А раз так, теперь отвечай, не ответишь – телефон оборвет!»

– Да! – Макс заранее знал, кто это.

– Спите еще?

– Спим, а что ты так рано?

– Как рано, мы разве не на восемь договорились?

– На девять, Мить, на девять утра!

– Ну извини, ошибся. Я сейчас в клуб позвонил. Они не откроются. Карантин продлили.

– И в клубе, и в городе?

– В клубе, Макс, в клубе! Еще двое у них заболели. Бухгалтерша с первым матросом. У обоих ковид. Подхватили вдвоем.

– А остальные?

– Про остальных не знаю, но клуб две недели будет закрыт!

Далее Митя использовал непечатное выражение. Он был сильно расстроен: их яхт-клуб подкачал и серьезно нарушил его четкие планы на день.

– Ладно, Мить, не заводишься, ну и пусть что закрыли.

– Как это пусть, Макс, делать что будем? Я ведь барашка купил, и пива.

– А мы на рыбалку барашка хотели взять?

– А как же? Пока рыбу поймаешь, пока то да се, а тут все готово, наливай и пей. Только теперь как?

– Дай, Мить, подумать, как.

– Да тут и думать нечего! Едемте к вам, в заливе рыбу половим, если так интересно.

Митя был прав. Куда еще было ехать, как не к ним, а точнее к Мане. Свою виллу на море под Рио Митя оставил бывшей жене Оле. Снял квартиру у Макса и в последнее время часто бывал у них в *Ривьере-де-Сан-Лоренцо*. Мане там достался в наследство дом на побережье, в двух часах езды от города, если без трафика. Все пляжи и клубы были закрыты, и ее летняя дача стала единственным местом на море, куда еще можно было попасть без ограничений, которые то отменяли, то вновь вводили запутавшиеся в указаниях сверху местные власти.

В десять утра они встретились у АЗС «*Ипиранга*» на выезде из *Алфавилля*. Митя издали помахал Максу и Мане рукой, и они, не задерживаясь, поехали на окружную. Ездить по Сан-Паулу Макс не любил. Там всегда были пробки, в которых даже утром в субботу можно было основательно застрять. Окружную дорогу построили недавно и не полностью. На ней Макс соревновался в скорости с «харлеями» и

«хондами» и так, стараясь не слишком отстать от мотоциклов, минут за тридцать-сорок доезжал до спуска в направлении Сантоса.

Сверху оттуда открывался исключительный вид: вокруг пологими волнами спускались к океану зеленые гряды гор, покрытые субтропической растительностью. Их почти на прямую рассекало новое *Шоссе Иммигрантов* с эстакадами поверх ущелий и серией длинных тоннелей. Когда они, словно в метро, въехали в очередной из них, Макс вспомнил, как его дочь Лара раньше считала тоннели на старой *Анчиете*. В каждом тоннеле она шепотом загадывала желание и, беспокоясь, интересовалась, сколько их еще впереди. Желаний у нее всегда было много, но и тоннелей на них обычно хватало, так что, когда они наконец проезжали последний, она прекращала считать и уже спрашивала: «А скоро мы приедем на пляж?» Закончив спуск, они попадали в другую среду, душную и влажную, с запахом моря, и хотелось скорее добраться до *Энсиады (залива)*, окунуться в знакомый, но забытый в суете города океан, почувствовать снова его энергию и поскорей спастись в воде от жары. Привычные ощущения. И все-таки каждый раз Макс переживал приезд на побережье по-новому, волнуясь, как в детстве, в ожидании встречи с морем. Украдкой, будто впервые, он проверял, остался ли, не пропал ли чуть заметный, длиной в горизонт морской изгиб, хотя и знал, что исчезнуть он никуда не мог, беспокоиться об этом нечего. Когда Макс заходил в воду, эта мысль

забывалась. Океан отечески принимал его, словно песчинку с берега. Наслаждайся и балуйся в теплой волне, ничего не проси, просто благодари природу за еще один ясный погожий день.

– Ну, за нашу экзистенциальность! – опорожнил свою первую за день стопку Митя. – Чистая ведь как слеза, аж зубы сводит. А ты что, Макс, пропускаешь? Расслабься, все дома!

– Ветлицкий, ты там сильно не расслабляйся, лучше давай барашка нанизывай, раз привез! – «Даже сверху, из кухни, Маня все видит и слышит», – покачал головой Макс. – А про рыбалку кто-нибудь вспомнит?

– Максим, наверху окна открой! Пусть просохнет, вон влажность какая!

– Сейчас поднимусь. Только Мите кой-что скажу.

– Смотрите, недолго. Дел много, Мить! «Настю» на воду надо спустить, мотор и масло проверить.

– Все сделаем, Маш, не беспокойся! Вы там жарьте, а рыба будет!

Митя у них был кремень, морской волк, в прошлом старпом рыболовного судна. Если что обещал – сделает, слово балтийца! Но иногда его требовалось немного воспитывать.

– Мить, ты Клариссу больше пока не зови, – начал Макс. – Родители ее недовольны – дома почти не бывает, на дискотеки закрытые ходит, а там кого только нет. Ты бы и сам поостерегся. Все-таки пандемия.

– Да не парься, Макс, я с ней все, завязал.

– Неужели! А как же «Клара моя просто супер, таких больше нет!»

– Приелась, побуду покамест один, На *Паулисту* лучше на службу схожу, с нашими девчонками познакомлюсь. Могли новые появиться. Я давно в церкви не был. А не помолишься, бизнес плохо идет. Митя раскурил свою трубку. – Ну а ты, Макс, в церковь не ходишь?

– Нет, я с рождения партийный, что зря спрашивать.

Митю надо было осаживать. Не перед обедом же, походя, обсуждать серьезные вещи.

– Ты, Мить, огонь давай разводи. А я «Настю» проверю, с вечера ее подготовим и в бухте поставим.

«Настю» Макс приобрел год назад в *Атибайе*. Там был тот же яхт-клуб, где с друзьями он арендовал 19-футовый катер с мотором на 150 лошадей. Пользуясь им то по очереди, то все вместе, они катались по водохранилищу *Назаре* на вейк-борде, рыбачили и жарили *шураску* (*бразильский шашлык*) на его небольших, но многочисленных островах, доступ к которым впоследствии был запрещен по соображениям экологии. Отчасти из-за этого их компания стала со временем редеть и вскоре совсем распалась. Одни ее участники уехали, другие остепенились, у третьих пропал интерес, и в итоге Макс в одиночку выкупил катер у директора клуба мулата *Куки* и перевез его на море. Маня полюбила моторку с первого взгляда за красивые обводы, мощный движок и внут-

реннее удобство. Даже экзамен на «морские права» сдала. В лодке легко помещалось пять человек, и еще оставалось место, чтобы прилечь позагорать, поудить с носа рыбу или присесть с кем-нибудь вдвоем на корме, поболтать о жизни и помечтать о будущем.

– Давай назовем ее «Настей», – однажды предложил Мане Макс. – Она похожа на твою Настю: красивую, самостоятельную, успешную, одна там рассекает волны и тоже у Южного тропика. У Мани была дочь Настя от первого брака. Она переехала жить в Австралию, и Маня давно собиралась к ней съездить. Предложение Макса Мане понравилось. Должно же их судно носить женское имя! Пусть это будет имя ее дочери. Так имя «Настя» было вписано в местный регистр частных маломерных судов, и у катера родом из *Назаре-Паулиста* появился новый порт приписки – *Бертиога-Гуаружа*.

В морском гараже-эллинге все было в порядке, лодка на месте. Никто в их отсутствие туда не залез, но замки все равно нужно было менять. Лебедка прокрутила новый трос нормально, пульт работал: «Настю» можно было спускать на воду хоть сейчас. «Подожду Митю, – подумал Макс, – он у нас главный моряк и этим справедливо гордится».

– Макс, ты где? – снова позвала Маня. – Можешь подняться ко мне?

– Сейчас иду!

Макс закрыл гараж и пошел в дом.

– Ну что, он уже начал?

– Митя? У Мити все в полном ажуре, огонь разводит. Запах дыма не чувствуешь?

– Да, сейчас чувствую.

– Молодец! А то ведь если не чувствуешь, сама знаешь...

– А ты напрасно иронизируешь и зря на улице маску снимаешь.

– Я снимаю, когда никого рядом нет!

– Все равно, никто маски на улице не отменял, и режим нарушать, как это делаешь ты, нельзя!

– Не знал, что вы так законопослушны, сеньорита! По вам и не скажешь.

– Сеньора! – поправила Макса Маня и для убедительности показала кольцо. Ей было ясно: он нарочно назвал ее сеньоритой, чтобы подразнить, ведь она была большая педантка. Как и все бразильцы, она придавала большое значение внешнему политесу и корректности, но Макс, зная изнанку бразильцев, этому доверял у них мало.

Маня была бразильянкой наполовину. Кстати, жители Бразилии Макс предпочитал называть по-русски «бразилками». Ему даже казалось, что так их в России раньше и называли, по аналогии с австрийками, и только потом, в 1990-е, кто-то по неграмотности однажды обозвал бразильца «бразильянцем», по аналогии с итальянцем, и пошло-поехало. В этой своей теории Макс был не совсем уверен и поэтому нехотя соглашался с не столь, на его вкус, благозвучным современным названием. Мать Мани, Волошина Валентина

Петровна, была русской. Приехав в Бразилию, она лет пять прослужила в известной советской внешнеторговой организации, а потом, познакомившись с будущим отцом Мани Педро Кампосом, директором по логистике в крупной бразильской компании, осталась работать с ним и через год вышла за него замуж. Мария Кампос Волошин – так звучало Манино полное имя – родилась в Сан-Паулу и закончила бразильскую школу, но дома Валентина Петровна заставляла ее говорить еще и по-русски, за что Маня впоследствии была ей благодарна. Когда после развода родителей они с матерью и Маниной дочкой Настей уехали в Москву, русский язык как второй родной весьма ей там пригодился. Успев до отъезда получить диплом бизнес-школы Маккензи, Мария Волошин практически без маминой помощи поступила в российской столице на экономический факультет УДН, а по его окончании, оставив Настю с бабушкой, вернулась в Бразилию на должность эксперта в отделе экспортных операций компании «Комекс» – все в том же Сан-Паулу, где спустя пару лет оказался и Макс. Золотов Максим Юрьевич.

До Бразилии Макс тоже работал в системе советского внешторга, откуда его в наказание за развод назло определили в длительную командировку, но не в ту страну, куда он хотел, а в далекую Бразилию, в малоизвестный русским, в отличие от Рио, город Сан-Паулу. Уже тогда, в конце прошлого века, это был огромный, весьма странно устроенный мегаполис, который, как, впрочем, и вся Бразилия, с момента пер-

вого с ним знакомства и впоследствии не переставал удивлять Макса своими кричащими контрастами и повсеместной неординарностью. Уже в юности Максиму упорно нравилось все англоязычное и германо-британское, так что никаких других языков, кроме английского и немецкого, которому его научила мать, он изучать не хотел. Когда в институте его группе в качестве второго иностранного дали вдруг португальский, Макс решил, что позанимается им для вида, считая, что в жизни он ему никогда не пригодится. К моменту внезапного назначения в Бразилию бодаться с начальством и проситься в Нью-Йорк или Вену, где он успел поработать раньше, Максиму наскучило. Но и в Россию, где он к тому времени был уже на грани второго развода (вызванного отчасти теми же долгими заграничными командировками), Макс решил больше не возвращаться. В Сан-Паулу он по своему обыкновению завел дружбу с местными, что никогда не нравилось его кураторам ни за границей, ни в Москве, и вскоре, недолго думая, совсем перерезал командировочную пуповину и ушел работать на фирму к новому приятелю Андрею Ефимову, который давно обосновался в Бразилии и поставлял оттуда в Россию известное в начале 1990-х кофе «Пеле». Со временем Андрей продал свой бизнес и уехал в Москву, а Макс, поборовшись и покувыркавшись на рынке труда, нашел свое место в Манином «Комексе» и сделался трейдером.

Так что с Маней они познакомились на работе, без особой романтики. Вместе трудились, вместе проводили свободное

время, часто оставались пожить друг у друга в гостях. Когда пять лет спустя Макс ушел из «Комекса» и открыл свое брокерское агентство, Маня еще какое-то время поработала в компании, уже, как и отец, в качестве директора по логистике, но потом Макс перетащил и ее к себе в агентство брокером. Они поженились и вскоре уехали в Уругвай, где зарегистрировали свою первую трейдерскую контору...

– Нет, Маш, «сеньора» тебе не подходит! – возразил Макс.
– По мне, сеньора – это такая тетушка в летах, с солидным стажем. У тебя от нее если и есть что, так это не по годам развитый педантизм католички.

– А у тебя развитый не по годам агностицизм.

– Лучше уж, Маш, быть агностиком, чем верующим, как твой дядя Вал. Отдать в церковную копилку чек на десятку и пятерочку сдачи взять, это как в анекдоте про Березовского! Играть на богослужении церковную музыку на электрогитаре! Еще и в пении упражняться, ведь в другие места с таким голосом не берут. Разве можно к этому относиться серьезно? А обет безбрачия чего стоит!? Сколько извращений из-за него! А когда женитесь, откуда измены и разводы кругом?

– Это ты о папе моем? Он развелся, потому что падре стал! Отцом святым. А ты вообще двоих жен бросил! – Маня вложила ему в руки поднос с зеленью.

– Я не бросил. Мы развелись, причем очень достойно, – возразил Макс, отправляясь с подносом в беседку к Мите.

Такие у них с Маней возникали вдруг неровные столкно-

вения – не подумайте, что у них были сплошные тишь и благодать. Но друг друга они любили. Анатомию их любви в двух словах не раскрыть, пусть каждый попробует препарировать свою собственную, если так любопытно.

В беседке Митя хлопотал над *шураскейрой* (*грилем*) и возбужденно говорил с кем-то по телефону. Он перешел на пиво, но и шкалик свой не убрал. – Кларисса! – объяснил жестом он. – Сегодня, Клара, не надо, завтра увидимся. Я позвоню, пока! Митя спрятал мобильник и протянул Максу полную стопку – За все хорошее!

– Не хочу, Мить, жарко.

– Никак нет, не жарко совсем! Мне что ж, без тебя в честь тебя тост говорить? Ты вроде здесь еще, с нами, хоть и правильный как апостол.

– Какой тост, Мить?

– Как какой, за тебя и за твой сухогруз в *Итажаи*! Разве не ты вчера «Муромца» загрузил?

– А откуда ты знаешь?

– Оттуда! – Митя похлопал себя по невидимому погону на левом плече, – получил информацию по закрытым каналам.

– Не мой сухогруз, Мить, не весь, моего там половина.

– Пусть так, но и это ж на сколько лимонов?!

– На много, Мить, но пить я сейчас не буду. Катер давай спускать и загорать.

– Да ладно, Макс, расслабься и не гони, смотри вон мясо какое. Посидеть надо, с чувством. А то дальше дела не пой-

дут, по себе знаю.

– А расслабиться и правда бы надо, – подумал Макс, – Чего гнать, вот и Маня мне так говорит, как с ними не согласиться. Действительно, забежался я с последней отгрузкой.

А толк в мясе Митя знал. Чему-то в этой гастрономии научил его Макс, а что-то он давно умел делать сам. Каре ягненка он готовил по собственному рецепту, а *пиканью* (бразильский *рамп-стейк*) – по инструкциям Макса. Так что шашлык получился отличный, и о несостоявшейся рыбалке с яхт-клубом они ни разу не упомянули. Пообедав, они уселись под зонтики у бассейна. Митя пил *кайпироску* (водка со льдом, лимоном и сахаром – прим.авт.), а Макс с Маней, словно их дачные соседи-веганы – холодный коксовый сок.

– Ты, Макс, стареешь! Совсем не пьешь, –забеспокоился снова Митя.

– Просто не хочется, Мить, нет желания. – Макс нырнул в бассейн, как обычно, вопреки многому, что принято у бразильцев. Так, например, многие из них считают, что купаться после обеда смертельно опасно, и учат этому своих детей с раннего возраста. Так же, как сочетать манго и молоко: от этого ведь легко умереть можно, пугают они друг друга. Макс всю жизнь ел здесь манго, запивая его молоком и закусывая кукурузными хлопьями, и ничего дурного с ним не случилось.

Ближе к закату волна улеглась, и они спустили катер на воду. Митя завел мотор, потом выключил и два раза прове-

рил уровень масла.

– Долить надо, – наконец сказал он.

– Синтетического! – напомнил Макс, на всякий случай. С бразильцами он привык все и всех перепроверять. Это у него стало привычкой, если не чертой характера.

– Эх, Морозова! – скопировал Митя Ролана Быкова из известного сериала. – Не бойсь, у нас все как в аптеке. Насадку давай?

Пока Митя возился с мотором, Макс проверил оснастку на завтра. Все вроде бы было на месте. Еще в прошлый раз он привез специальный трос и прогулочный комплект для парасейлинга, и сейчас, по дороге на море, они с Маней решили, что испытания проведут завтра, в воскресенье: раз Митя здесь, зачем откладывать?

Дотошный, Митя наконец заметил новое оборудование.

– А это зачем? – кивнул он на Т-образную подвеску с перекладиной, крепежными лентами, пряжками и карабинами, начиная и сам догадываться. Макс кивнул головой на установленную загодя на корме лебедку со сложенной стрелой и закрученным тросом, и Митя окончательно понял, что затевалось на завтра вместо рыбалки.

– Так вот почему ты не пил! Решился-таки наконец! Ну давай, молодец, я поддерживаю. Летать я, сам понимаешь, не буду, вес у меня не тот, но на лебедке постою, а как же. Надо же твоей мечте крылья дать.

«Верный у меня все-таки друг!» – подумал про Митю

Макс.

Тут он заметил фигуру, которой на их закрытом для посторонних пляже еще минуту назад не было. В лучах заходящего солнца в их сторону по песку энергично пробиралась девица. Закат золотил ее длинные волосы, а легкий бриз обдувал гибкую фигуру, облаченную в белое платье с цветами. Девица была на каблуках и кое-как тащила за собой непослушный розовый чемодан.

– Смотри, Мить, кто к нам пожаловал, – проговорил медленно Макс, указывая в сторону нарушительницы. Митя обернулся и замер от удивления.

– Кларисса!? – он с завидной прытью перескочил из лодки на берег. Сказалась моряцкая сноровка, приобретенная на Балтике лет двадцать назад. – Клара, ты что, – приветствовал нерадостно он, – я же тебе сказал не приезжать! Сказал, буду завтра. Что зря ноги бить?

– Я из дома ушла, – девица остановилась перевести дух. – Предки достали, в город не отпускают, делать нечего, вот я к вам и приехала.

Практичный Митя поцеловал ее в щеку и в лоб, заодно измерив возлюбленной температуру.

– Хорошо, давай, я тебе к Мане сейчас отведу, в порядок себя приведи, отдохни и на ужин спускайся. А мы с Максом тут с лодкой закончим. – Митя взял у нее чемодан и за руку повел в сторону лесенки наверх к дому.

Глава 7. Кларисса и небольшой экскурс в историю

Кларисса была девушка особенная. Огненная красавица. Полное имя – Нора Кларисса Кфури. Наполовину ливанка, а на другую – немка. Отец Клариссы, Жозе Пауло Кфури, приехал в Сан-Паулу с родителями из Бейрута трехлетним ребенком, а мать – Нора Хартвиг Акиро, арийка с голубыми, чуть раскосыми глазами родилась и выросла в прибранном и накрахмаленном немецком городе *Блуменау* в бразильском штате Санта-Катарина, куда после первой мировой войны перебралась из Японии семья ее будущего отца, впоследствии женившегося на Клариссиной бабушке, Маргарет Хартвиг, – светленькой *Гретхен*, тоже однажды переехавшей с родителями в Бразилию, но из Германии.

Подобно другим, более многочисленным этносам – португальцам, итальянцам и испанцам – немцы, ливанцы и японцы поселились в Бразилии в разные годы, но позже, в основном в XIX веке. Волны иммиграции шли неравномерно, причудливо формируя национальный состав страны, в котором диаспора бразильских ливанцев превысила, например, японскую втрое и в два раза – население самого Ливана.

Численность немецкой диаспоры достигает сегодня 12 млн человек, что делает ее, как и ливанскую, одной из крупнейших в Латинской Америке. В рамках проводимой в 1820-е годы «европеизации», правительство независимой Бразилии решило заселить малолюдные южные земли. Создание модели сельхозколоний в Риу-Гранди-ду-Сул с раздачей земель переселенцам положило начало массовому прибытию

фермеров из германских государств. В течение долгого времени немецкие колонисты жили обособленно в южных штатах. Они сохраняли немецкие диалекты, издавали газеты на немецком языке и отмечали традиционные праздники. Город Помероде в штате Санта-Катарина до сих пор считается «самым немецким городом Бразилии», где большинство жителей понимают или говорят на немецком языке. Октоберфест в Блуменау считается вторым по величине в мире после мюнхенского. Присутствие лиц немецкого происхождения в бразильской элите – политической, военной, деловой и культурной – является весьма значительным. Исторически немецкие иммигранты и их потомки прошли путь от изолированных сельских общин до высших эшелонов власти. В Бразилии сформировалась устойчивая традиция, когда региональные лидеры немецкого происхождения из южных штатов выходят на федеральный уровень. Немецкие корни имели сразу несколько глав государства.

Что касается ливанских и японских эмигрантов в Бразилии, то их первым поколениям пришлось, как и многим другим, нелегко. Они с трудом адаптировались к незнакомой культуре и едва сводили концы с концами: занимались мелкой торговлей, ремесленничеством, держали продуктовые лавки, кафе и закусочные, выращивали картофель и клубнику, но, заработав, первым делом старались дать своим детям хорошее образование. Поэтому в наши дни ливанцев и японцев легко встретить среди политиков, банкиров, предприни-

мателей. Их часто можно увидеть на телевидении и в СМИ, на банкетах и приемах, в театрах, на концертах, фестивалях и других светских мероприятиях. Многие из них до сих пор содержат кафе и рестораны. Выходцы из Ливана и Японии сохраняют свои традиции и культуру. Одни исповедуют ислам и христианство, другие – буддизм и синтоизм. В бразильском обществе ливанская и японская диаспоры пользуются большим уважением и заметно влияют на жизнь других эмигрантских общин.

Иммиграция в Бразилию продолжается по сей день. Получить гражданство Бразильской Республики не так сложно, как у ее северных соседей по полушарию – США и Канады, которым, однако, во всем остальном бразильцы стараются подражать. К слову сказать, многим странам, привыкшим считать себя образцом демократии и уважения прав человека, стоило бы поучиться культурной и расовой терпимости у Бразилии, где белое, черное и цветное население давно слились в единую нацию, скрепленную общим языком Португалии.

Отец Клариссы, Жозе Пауло, или просто «Зе», тоже смог при поддержке родителей выучиться на коммерсанта и стал коммивояжером. По работе он исколесил всю страну. Нередко ему приходилось бывать в теплом *Нордэсте* – на северо-востоке Бразилии, где живут современные *нордэстинцы* – потомки голландцев и португальцев, смешавшихся с *парду* (*метисами и мулатами*) и этническими африканцами,

впервые привезенными португальцами на плантации и рудники Бразилии в качестве рабов еще в XVI веке. Чаше, однако, молодой коммерсант ездил по трем самым прохладным и экономически развитым южным штатам, где в основном расселились выходцы с европейского континента: немцы, итальянцы, португальцы, поляки, русские, украинцы, австрийцы, швейцарцы, прибалты. Посещая Санта-Катарину, Зе Пауло приехал с презентацией в Блуменау, где встретил Нору. В этом уютном немецком городе они прожили после женитьбы около двадцати лет, родив сначала сына Жуку, а потом по очереди и двух дочерей, Клариссу и Ану.

Впоследствии Зе перешел на работу в банк и дослужился до директора филиала. Шесть лет назад его перевели с повышением в центральный офис в Сан-Паулу. К моменту переезда сын Жука, дипломированный пластический хирург с собственной практикой, отбыл повышать квалификацию в Милан, младшая дочь Ана поступила на медицинский факультет *УСПи (Университет Сан-Паулу)*, а ее сестра Кларисса успела ни много ни мало победить в нескольких конкурсах красоты, сначала в родном Блуменау, потом в штате Санта-Катарина, а затем уже и в самом Рио. Фотографии высокой девушки с точеной фигурой и чуть раскосыми, голубыми как у матери, глазами, темноволосой и смуглой, как отец, мигом разошлись в сетях и на пару недель стали местной сенсацией. «А какие ресницы!» – писали о ней восхищенные пользователи. Не сомневаясь теперь, что

действительно обладает эффектной внешностью, Кларисса, как и многие ее сверстницы – красавицы смешанных кровей, задумала по примеру знаменитой соотечественницы тоже немецких корней *Жизели Каролины Бюндхем* (по-бразильски – *Жизели Бинчен*) стать профессиональной фотомоделлю. Продолжать учебу она, вопреки уговорам родителей, наотрез отказалась, и теперь, разослав свои фотографии по рекламным агентствам, занималась исключительно тем, что ездила на пробы и кастинги, снималась для известных журналов и бдительно следила за тем, чтобы никто и ничем не посягнул на ее личную свободу и независимость. В этом она видела залог исполнения ее амбициозного плана на жизнь: покорить своей редкостной красотой, вместившей строгие пропорции Запада и чувственные тайны Востока, сначала обе Америки, а потом и весь мир.

Глава 8. Продолжение главы 6 – купание и беседы вечером

– Я сейчас про Клару твою подумал, – громко сообщил Мите Макс, обернувшись от штурвала. Тот, проводив в дом Клариссу, чуть задержался: видимо, допить свой коктейль с лимоном. Верный товарищ Макса снова зашел в воду и грузно поднялся на борт по лесенке на корме.

– Думай не думай, а что-то с ней делать надо. Действительно паузу взять. Потом, Макс, об этом поговорим. Мне тут моя Оля звонила, я к ней съездить хочу. Макс одобрително кивнул.

Они отвели «Настю» от берега. Макс выключил мотор и накрыл чехлом оснастку, а Митя бросил якорь. Поднявшись на нос лодки, Макс нырнул в теплую воду бухты, окрашенную закатом в мягкий оранжевый цвет. Митя спустился в воду тем же путем, что и поднялся. Волнение у причала почти улеглось. Каменная гряда волнореза заботливо укрыла от моря притихший залив – купайся себе спокойно и наслаждайся моментом. Двое парней и девушка с крайнего белого катера последовали их примеру и тоже по очереди нырнули в нагретую за день воду, но далеко от него не отплывали. Говорили между собой они негромко, что весьма необычно для ребят их возраста, да и вообще для бразильцев, любящих общаться эмоционально и во весь голос – так, будто на всех на них надели наушники с шумоизоляцией. Из большого смартфона на катере в воздух лилась милая песня *Алмира Сатера «Шалана»*. Ее слова и мелодия были просты, проникновенны и гармоничны: Макс любил эту песню. «Вот какими должны быть и Бразилия, и весь мир!» – думал он, когда ее слышал.

Максим и Митя плыли по золотистой дорожке в сторону заходящего солнца, меж засыпающих яхт и катеров, чуть слышно плескавшихся в утихшей воде, и разговаривали о своем.

– Раньше, Мить, еще в институте, я часто плавал один – заплывал далеко в море, а там нырял за рапанами и потом продавал их на берегу, – неожиданно стал вспоминать Макс.

– Однажды в Гаграх я решил доплыть до сигнального буйа, километрах в полутора от берега. Любопытно было на него взглянуть, проверить реальную величину. Издали буй был хорошо виден, поэтому мне казалось, что вблизи он должен быть большим как автобус, который возил нас с приятелем Мишей на городской пляж. Миша больше любил загорать, а я в то время – плавать. Я поплыл один, плыл долго, а когда доплыл до буйа, то увидел не такую уж и здоровую, но весьма некрасивую, неуклюжую, проржавевшую кеглю. Кегля была сшита из нескольких листов металла, окрашенных охрой поверх оранжевого, с красным фонариком наверху. Снизу ее облепляли мидии, мелкие ракушки и волосатые водоросли. Холодная и уродливая, кегля раскачивалась на воде и хлопала. Мне стало противно цепляться за нее, чтобы передохнуть, и я сразу поплыл назад. На обратном пути плыл медленно и, широко открывая глаза, заглядывал вниз в воду. Хотелось понять, насколько было там глубоко. В какой-то момент я почувствовал, что подо мною пропасть и пустота, что до дна далеко, и мне стало страшно. Казалось, что я стою на краю обрыва. Голова закружилась, вода вдруг сделалась холодной и темной, по телу пошел неприятный озноб, и я не без труда вернулся на берег.

– С тех пор я далеко в море не плаваю. Голова кружится и мурашки по телу, лишь только вспомню, – закончил Макс.

– А я, – Митя наконец перевернулся со своих коротких саженок на спину, – после службы на флоте вернулся домой

и устроился матросом на траулер-морозильник. Ходили, как водится, на треску. Какое там купание-загорание в Ялтах с Гаграми! Пока до места дойдешь, если не на вахте, так в каюте все больше и спишь. Как ни вылезешь до ветру на палубу – все время шторм и погода дрянь. Северные широты. А в шторм на палубе быть запрещается, смыть может. Но интересно, хоть какое-то развлечение! Смотришь, а впереди волна как стена встает, высотой с наши пятиэтажки в Мурманске. Думаешь, ну все, теперь конец. И зачем только сюда поднялся! Но нет, она судно подымет, окатит все с головы до ног, да и пройдет низом. Слава тебе, господи, думаешь, пронесло: сегодня умыли только, за это одно вам большое спасибо. Всем тем спасибо, кто в эту жизнь нас привел и ею управляет! Чертыхнешься, перекрестишься, и в кубрик скорей, для согрева еще принять и снова в койку. Был у нас на судне капитан, так его я видел лишь при отходе и по возвращении. Как он пил, так никто не пил. Говорили, что-то личное было. Потом списали его. Жизнь на море не мед. Был рад, что ушел. Поплыли обратно?

– Поплыли. Ты «Изоляцию» смотришь? Смешной сериал, только начался – перешел Макс на более легкую тему. – Там один чувак тоже несколько дней из подшофе не выходит и все с медицинской маской борется, то она у него слезет, то на одном ухе повиснет. А потом он вообще срывает ее прочь, так она его достала. Анекдот про противогаз знаешь?

– Эх, Макс, неизвестно еще, чем все это кончится, – не

захотел слушать анекдот Митя. – Я тебе так скажу, бизнес встал и не движется. Но хвост все равно нужно торчком держать. Один ты у нас орел! А вот мне надо в церковь сходить.

– Ты только смотри, чтобы Клара не знала, – отфыркиваясь и смеясь, предупредил Митю Макс. – И зачем тебе вообще по девочкам в церковь ходить? Сам не мальчик уже, – сплюнул он в сторону. – Это я в том смысле, что Клара – девица что надо, избалованная только. Они же теперь наши соседи в поселке. Отец ее под домашний арест посадил, чтобы на танцы не бегала. Эпидемия как-никак. Вот и ты с ней работу разъяснительную проведи. Не время сейчас гулять. А так я не против видеть вас вместе, и ты это знаешь.

– Она говорит, только я один ее понимаю, – нащупал ногами дно Митя. – Моделью быть хочет, как Жизели Бинчен.

– Ловец ты жемчуга в мутной воде, – пошутил Макс, тоже вставая на дно. – А если честно, то надо тебе с Олей твоей помириться. Хотя, извини, не мое это дело.

Освеженные купанием, они вылезли на воды и поднялись в дом, а после душа спустились вниз, где их подруги уже сидели на веранде с бокалами «шардоне», что-то жуя и обсуждая Клариссин приезд и ситуацию в городе и стране. Соседи, как и ребята на катере в бухте, тоже включили у себя негромкую, спокойную музыку. «Может, это от пандемии все так странно притихли?!» – подумал Макс. Маня, извинившись перед Клариссой, отошла, чтобы поставить балладу «*Качингеле*» про любовь и лунный свет: «*Lua vai iluminar*

os pensamentos dela...» «Удивительный сегодня вечер, да и только», – подумал Макс.

Гармонию нарушила Кларисса, решившая продолжить беседу.

– А в кондоминиуме у нас не бардак! Теперь и в субботу стройка шумит! Этот новый сосед, зампрефекта, – известный жулик, пробу на нем негде ставить! Дом деньгами набил, никуда уже больше не лезут – теперь сейф для них под землей строит. На «ламборгини» по выходным разъезжает, в маечке-безрукавке, чтоб мускулы всем показать, а ведь за сорок давно, совсем старик! Но нет, все под рэпера косит. Волосы красит, думает, что не видно. От бетономешалок его покоя нет. Разве в выходные строительные работы не запрещены?

– По субботам разрешены, – деликатно встрял в разговор Макс. – От забора и до обеда – уточнил он, но не стал объяснять шутку. – А почему ты, Клар, думаешь, что ваш сосед жулик?

Сказав это, Макс украдкой проверил, на месте ли его собственные бицепсы и трицепсы, и расправил плечи. «Молодежь часто необъективна, – считал он, – и склонна преувеличивать».

– А потому, – моментально отреагировала Кларисса, – что по ТВ показывают, как они деньги отовсюду воруют и к себе волокут – и на теле прут, и в трусах, и в чемоданах! Как цены закупочные завышают. Вот в Рио респираторы по кон-

трактам, говорят, стоили три миллиона, а их записали в расход как пять, а теперь губернатор вместе с министром здравоохранения штата арестованы и под следствием сидят.

– Ну так то Рио, Кларисса, – возразил Макс, – там известное дело. Рио всегда первый во всем, что плохо.

– Да не важно, что Рио, что Сан-Паулу – везде одинаково, там и там воры, – заверила Кларисса.

– А ты зачем по песку в каблуках пошла? – спросил Макс.

– Так у вас на подъезде полиция везде, посторонних к вам не пускают. Вот я через пляж и рванула, там полицейев поставить забыли.

У Клариссы всегда и на все был четкий ответ. Максу такие нравились.

Они посидели еще, разговаривая о текущих делах и событиях. Кларисса сделала себе сандвич со шпинатом и брокколи. Не прекращая жевать, она стала объяснять Мите, почему в финале на кубок штата «*Коринтианс*» проиграли «*Палмейрас*». Митя с ней молча соглашался и пребывал в раздумье. Кстати, женщины в Бразилии любят и понимают футбол не меньше мужчин. Макс встал, посмотрел на Маню, сказал ребятам «спокойной ночи», и отправился наверх почитать перед сном.

Наверху он взял телефон и позвонил Зе, отцу Клары: «Зе, Клара у нас, так что не беспокойтесь. Да, да, своим ходом, на такси добралась, без Дмитрия. Завтра с ним отправлю ее обратно... Нет, сегодня лучше с ней говорить не надо, пусть

отдохнет, успокоится. Благодарить не за что, пока».

Потом Макс сел за свой письменный стол. В доме был покой, как он любил. За окном внизу продолжалась негромкая беседа Мани с ребятами. Тишину нарушали лишь тихий плеск мелкой волны на пляже и мягкая музыка «*Качингеле*». Океан разгладил поверхность и подставил небу свое огромное зеркало, в которое смотрелась вездесущая Луна и соседние с ней Стрелец и созвездие Козерога. Козерога Макс особенно любил. Он считал, что однажды Козерог спас ему жизнь; это созвездие напоминало ему бумеранг или летящую чайку, на кончиках крыльев которой ярко горели сигнальные огни синих звезд. Чайка куда-то летела, но не улетала. Для него она была надежна, как «Аэробус 330», ведь следующим вечером она появлялась на небе там же и в тот же час, благо пасмурно у Южного тропика почти не бывает.

Из всех событий прошедшего дня наибольшее впечатление произвел на Макса приезд Клариссы и особенно ее каблуки на пляже – то, как они проваливались в песок. Макс считал, что женские каблуки, как и многое другое в жизни, вещь надуманная. Идет иная женщина на каблуках коротенькими шажками, как на ходулях: похожа на цаплю, запросто может упасть, а сама думает, до чего элегантна и грациозна ее походка. Вообще говоря, туфли от Лабутена и женские ноги в них, конечно, весьма красивы, с этим трудно спорить, но в Максе было полных шесть футов, и он, как прагматик, к каблукам, да и к покрашенным красным ногтям тоже, от-

носился скорее равнодушно.

Что еще зацепило его сегодня, так это Манино «агностик» и вопрос Мити, а ходит ли он в церковь. Ведь, если честно, Маня с Митей были, к сожалению, правы – в Максе, как ни крути, довольно комфортно обустроился и сидел закоренелый скептик-агностик. А Максу хотелось не этого. Он хотел, но пока не смог, быть таким же, как Маня, – искренне и действительно верующим, не знающим страха перед превратностями судьбы. Их он старался, как и она, не бояться. Но эти превратности его задевали, часто оставляя в душе глубокий след. А за Маней как будто всегда стоял Бог. Она шла с ним по жизни и легко преодолевала такое, от чего Макс потом долго приходил в себя. Пару лет назад, когда они потеряли в ливийском порту дюжину контейнеров с товаром на круглую сумму в реалах и долларах, от пережитой утраты и стресса он написал эссе о духовности и вере. Любопытно, что сочинил он его в соседней стране-оффшоре, кичившейся своими духовными ценностями, в которых на каждом шагу заставляли усомниться не только криминальные повадки и жульнические уловки многих ее жителей, но и апатия государства и его институтов перед лицом публичного и частного грехопадения его граждан. Знал это Макс не понаслышке и не из прессы, а из личного опыта. Пока он, страдая, писал эссе, Маня заключила новый контракт и убытки этим частично покрыла. Но и эссе, по его мнению, он сочинил не напрасно. Впоследствии он не раз в минуты сомнений перечитывал

его. Это освежало его чувства и укрепляло в нем пошатнувшуюся веру в первичность духовного. Зачем ему понадобилось вернуться к своему эссе сейчас, Макс отчетливо понимал. Не хотелось опять чувствовать себя агностиком. Хотелось стать таким, как Маня.

Глава 9. Эссе о духовности

«Сегодня под утро, уже не впервые за месяц, меня разбудили тревожные мысли и терзающий душу вопрос, что происходит со мной и моей жизнью? Что это: всего лишь черная полоса, естественный ход вещей в сторону, противоположную счастью, аномалия, спровоцированная случайностями, невезением, глупостью, ошибками, лукавством, заведомой ложью или всем вместе взятым, или же тот момент, в котором следует разглядеть назидательный урок, причем не известно, с каким исходом? А конкретно хочется знать вот что: чем все закончится в этот раз? Обойдется ли все и наладится, или же полностью расстроится и умрет? И это ли главное? Может быть, главное на самом деле в другом? Надо постараться правильно ответить себе на эти вопросы.

Конечно, если произойдет второе, то есть если наступит несчастливый конец, это будет по-человечески обидно и несправедливо. Так мне кажется, ведь я как создатель в меру сил сделал многое, чтобы выжить и помочь выжить другим, дать им и обрести самому то, что принято называть душевным и телесным покоем и благополучием. Со мной по-

добный «конец» случался и раньше, в последний раз — совсем недавно, когда, почти на границе возделенной «нирваны», когда до нее оставалось лишь немного, «еще чуть-чуть, еще едва-едва», мой подъем вдруг был остановлен, и вся тщательно собранная конструкция моего личного бытия опять дала сбой и начала разрушаться, увлекая меня назад и вниз, рискуя разбить мою жизнь, лишит веры в любовь и счастье не общим их смысле, а для себя конкретно и определенно. Однако, не достигнув дна, катастрофа снова сама собой отменилась, и хаос из надорванных нервов, расстроенных чувств и нарушенных связей с миром опять стал, пусть мучительно и неспешно, возвращаться к подобию рациональности, возрождая веру в то, что все, как и раньше, наладится и обойдется. При этом я был не наблюдателем со стороны, а, напротив, главным героем истории: сначала творцом, потом жертвой, чудом сумевшей выжить, а затем — снова строителем и создателем. И так не один раз подряд: несколько «смертей» и новых «рождений». Так однажды назвал их мой знакомый психолог. Я бы сегодня сказал, что это были проверки на духовность и веру.

Подобные тесты трудны. Мы их не с первого раза проходим. Уверен, что многим пройти их за всю жизнь так и не удастся. Я, по крайней мере, должен признать, что раньше не смог уяснить главное, то, чего от меня ждет Господь, но теперь знаю наверняка, чему именно я пока не сумел научиться. И ответ на поставленные выше вопросы (Чем все

это закончится на этот раз? Обойдется ли все и наладится, или же окончательно расстроится и умрет?) при таком взгляде на вещи зависит не от верной оценки сиюминутных успехов и неудач, а от того, понят ли мной Господний урок всей моей жизни. А этот урок, как я только сейчас стал явственно ощущать, сводится к тому, что мне всегда не хватало и по-прежнему не хватает Веры, твердой веры в то, что несмотря ни на что все обязательно закончится хорошо! А это значит, что мне нужно сосредоточиться на том, чтобы такая твердая вера стала органичной частью моего «я». Очень многие наши проблемы возникают из-за отсутствия Веры как основы гармонии с миром. Веру нельзя понять. Ее можно ощутить душой. Трудность в том, чтобы суметь пробудить и развить в себе это умение. Умом «пережить» (в смысле «осознать») Веру нельзя. Ее следует воспитать в себе как душевное качество. Именно это неверующие и должны, вероятно, считать своей главной задачей в жизни. Я понял это сейчас и начал писать об этом, ибо мне кажется, что так я смогу дисциплинировать свои мысли и чувства и сосредоточиться на развитии у себя способности действительно ощущать, испытывать Веру. Хочу сделать это своим ежедневным занятием, самостоятельной работой, постоянным упражнением.

Но как верить в то, что нематериально, умоизобразительно и потому почти неуловимо для большинства на суетном, обыденном уровне? Как уверовать в высшее, если твои

скромные представления о нем сплошь и рядом перечеркивает действительность? Видимо, так: надо прислушаться к тому, что велит душа — а она даже в момент омрачения не дает угаснуть заложенному в каждом из нас чувству смиренной радости и причастности к величию мироздания, ощущению грандиозной вселенской гармонии, восхищающей нас красотой любимой музыки, стихов, живописи, красок природы, отражающей то таинственно-прекрасное и божественное, что мы бытием своим, независимо от нашей воли и отягощающих нас грехов, стремимся познать и связываем с такими понятиями, как бесконечность, энергия, пространство и время, воля, мир, любовь, надежда, честь, счастье, благополучие, радость, верность, единение с ближним, родительство. Именно из этих кирпичиков мы выстраиваем для себя, хотим мы того или нет, свое осмысление промысла Божьего.

Сомневаться в том, что Бог есть, нормально мыслящему человеку, пусть даже воспитанному в атеистическом духе, с возрастом становится все труднее. Не только потому, что однажды, взглянув на изображение Земли из космоса, человек задумается, как могло возникнуть и как может существовать в безмерном мертвом пространстве Вселенной такое чудо: во всем противоположный своему окружению, будто созданный кем-то специально, прекрасный мир органической материи, основу которого составляет вода — неорганический, самовосполняемый и неиссякаемый источ-

ник жизни Человека и природы? Подобная система не могла сформироваться сама по себе в результате цепи случайностей, как не могли бы возникнуть сами по себе из камня, песка и той же воды патефон, смартфон, Большой адронный коллайдер и прототип квантового компьютера. В мире хаоса для этого потребовалось бы невообразимое число слепых совпадений. Нет, все это было блестяще задумано и реализовано Богом для наполнения сущего Всеединства живой энергией абсолютной духовности.

Представим теперь, что, немного удивившись этому своему открытию, тот же наблюдатель посмотрит из космоса на Землю под другим углом и, обратив взор уже на себя самого как частицу земной природы, обнаружит, что и сам он есть чудо, воплощенное, например, в уникальности кодов молекулы ДНК, будто специально кем-то подобранных из бесчисленного множества комбинаций. Чудо также по причине того, что и сам он на три четверти состоит из той же уникальной по своим свойствам воды, привнесенной на Землю извне и организованной так тонко в системе его микрокосма, подобного большой Вселенной и бесконечно сложного в непрерывном взаимодействии миллиардов его элементов, что, подобно Богу, тоже способен рожденной им идеей перекраивать материю, создавая из простых элементов все более сложные структуры.

Хорошо, но как быть с очевидным пониманием человеком безжалостности и сложного несообразия его материально-

го мира, планетарного и личного, на столь непохожей на остальную Вселенную планете Земля? Ведь этот данный ему Богом внешне красивый мир на поверку бывает жесток и труден для жизни. Это совсем не тот голубой рай, каким он видится из космоса. Человеку в него непросто встроиться, достичь защиты от превратностей его природы и вторжения воли людского контингента, загипнотизированного собственными же идеями от Лукавого, то есть придуманными самими же людьми лжеценностями и заблуждениями.

Наш мир не рай, данный для удовольствий. Это площадка борьбы с темной силой на выживание и через это постижение примата Истины.

В отличие от Истины, Вселенная – предмет более постижимый, ибо все-таки материальный. Представимый, потому что осязаемый. То, что не видимо, было или будет открыто на основе опыта. Так были созданы теория относительности и квантовая механика. От их догадок и выводов захватывает дыхание. Соприкасаясь с божественным, они часто выходят за пределы экзистенциального и интуитивного восприятия мира большинством людей. Но какой бы сложной ни была Вселенная с ее гравитационным искривлением пространства и времени, иллюзией или реальностью превышения скорости света и струнными моделями материальной структуры мира, она все же остается в этих своих чудесах относительно однородной и сущей материей, за-

думанной и созданной свыше Идеей, детьми которой все мы являемся.

Поэтому главная цель человека состоит в том, чтобы вопреки гипнозу материи приблизиться к Идее и соответствовать ей. По тому, как складывается и протекает его жизнь, человек путем тщательного анализа может прийти к выводу, что сама материя не является всеопределяющей, хотя она буквально ежесекундно, проявляя себя предметно, убеждает его в обратном. Из собственного опыта он сможет заключить, что на самом деле его жизнь направляется и формируется не окружающим его миром и людьми, а идеей о нем, человеке, происходящей из того поля идей, в котором этот мир был задуман. Поняв это в результате постоянного пытливого поиска и пристального изучения и анализа совпадений, случайностей и проявлений чудесности, в результате подъемов и падений, потерь и приобретений, побед и поражений, а также взаимодействия с другими близкими по духу людьми, то есть достаточно познав себя и свою судьбу, он сможет наконец уразуметь как данность существование над его миром особого поля идей и начать искать связь с этим полем. В этом и будет состоять проявление Веры и признание Бога.

Вооруженный этим знанием, искренне ищущий человек, если он пылив и честен с собой, сможет настроиться на волну поля идей и перестать принимать близко к сердцу давление коллективного сознания и материальных факторов.

Вопреки этому давлению он сможет ставить во главу угла совершенствование самого себя и мира вокруг в соответствии с идеей о нем, человеке, передаваемой ему свыше путем идей, видеть в смерти продолжение бытия в другой ипостаси, любить ближнего, любить себя и Бога».

Глава 10. Наваждение

– Макс, ты спать собираешься? – прервал его размышления простой как правда вопрос Мани. – Завтра рано вставать!

– Да, сейчас иду.

Умиротворенный, Макс закрыл компьютер. Все сказано правильно, сомневаться не в чем. Разве если, может быть, что-то добавить. Он вспомнил, как в одной богоугодной стране вечером на дороге он потерял передний номерной знак. Услышал только, как тот, словно консервная банка, брякнулся об асфальт и, громко лязгая, унесся назад в дорожную темноту. Тогда он подумал: все, номер машины пропал, придется идти в полицию объясняться и просить новый. А Маня ему говорит: «Давай вернемся. Мы его обязательно найдем. Не провалился же он сквозь землю!» Он нехотя развернулся и поехал назад. Едет, едет еще, впереди черный асфальт, вокруг серость пустыни. Надежды ноль, и он, выехав на обочину, уверенный, что никакого чуда не произойдет, малодушно требует от Всевышнего: «Бог, если Ты есть, верни мне мой номер прямо сейчас!» «Включи дальний свет», – просит Маня. Он включает и с изумлением видит – его

сорвавшийся номер стоит стоймя чуть в отдалении, целый и невидимый. Будто кто-то только что взял и поставил его специально для Макса на самое видное место, прислонив к столбу дорожного знака. Но за эти минуты никто по дороге больше не проезжал. Поздний вечер. Кругом никого. Дорога пустая. Сильный ветер по асфальту песок поземкой метет. Он вылез из машины, а номер стоит и, позвякивая, чуть шевелится на ветру, как живой. Вот-вот упадет, но не падает. Лишь смотрит на него с укором и говорит: «Ну что, брат, вот он я, а ты сомневался!» А потом громко смеется, Маниным смехом. Говорящим оказался тот номер, вот так!

Кому-то эта история покажется смешной, но Макс не сомневался: то была не случайность. Чудо произошло, и не только на той дороге, а и на многих других, в разное время. И не только с ним. Чудеса были разные, одни из них забылись, другие запомнились хорошо. И когда по ходу жизни в нем вдруг просыпался Макс-агностик, он читал эссе о духовности и умирял свой скептицизм, приводя себе доказательства неслучайностей из собственного, личного бытия.

Прежде чем отправиться спать, Макс ступил на балкон посмотреть на россыпи звезд. Сколько же их, просто не счесть! Как всегда, он подумал о вечном, попытался представить себе бесконечность. Несмотря на эссе, перед ней он испытывал страх: себя в бесконечности он не видел.

Под созвездием Водолея был его Козерог. Он парил во Вселенной будто сказочный звездолет. По форме он был по-

хож на большой треугольник и еще на ковер-самолет или стелс ВВС США. Но сейчас представить его Макс не смог. Как тогда на шоссе, он услышал хлопок, и треугольник расплылся в улыбке шута. Шут ухмыльнулся и стал стряхивать звезды с небесного свода ...

«Козерог, – воззвал Макс, – прогони шута! Звездолету нужно лететь и по звездам чертить в небесах мою линию жизни!» Макс попробовал дать ему знак, но его ухватили Черт и подручные. Имя им Неверие и Гордыня. Небосвод закрыло отвесной волной. Шквальный ветер нагнал хмурые тучи. В пляске молний океан накрыл тропический ливень. Чернь волны подступила стеной. И вот она сносит балкон, тащит душу и тело ко дну и там истязает. Будто щепке, она дает ему всплыть, но лишь с тем, чтобы снова бросить в пучину. Апокалипсис! Армагеддон! Пересилить потоп из чернил он не в силах и сейчас захлебнется. Буйство стихии не обуздать. Подступает беспамятство, меркнет свет, и в отчаянии он кричит: «Козерог, о мой Бог, не дай мне умереть!»

Козерог, о мой Бог, не дай мне умереть!

Спаси меня небо, дай пожить, дай прозреть!

И пошли мне благую твою светлую весть,

Пусть исчезнет из жизни знак 666.

Убери от меня его ржавую жесть!

Расскажи мне о том, как оно все там есть,

Чтоб, когда Ты придешь, у нас не был бедлам,

Чтоб убрать нам из дома весь старый наш хлам,

Чтобы Ты утвердился: «Быть вам дальше в Раю!
Вам станет там лучше, Я на этом стою!»
Спасибо Иисус, мы достойны тебя,
К тебе все мы на Гору лезем, любя,
А что Черт нас попутал, эта слабость проста,
Недостойно все помнить, если веришь в Христа!
Нас с прямого пути ни за что не свернуть,
Но мы в Ветхом завете залежались, как ртуть,
Ну а честно, не верим, что Ты для нас есть,
Жизнь нам врет постоянно, а нам хочется есть.
Так раньше я думал в заблужденье своем,
Но сейчас я иду с Иисусом вдвоем,
Мне сегодня никто и ничто нипочем,
Говорят мне: продай свой каменный дом.
Мой дом на Скале, а я на ветру,
Никому не отдам я мой дом, никому.
Он тверд и молод, стоит он горой,
Тебе предложу – он может быть твой.
Да, может стать он и домом твоим,
Если захочешь, служи верно им,
Тому, что нам дали Моисей и Иисус.
Ты не ребенок, мотай на свой ус.
Сложил я не к месту этот трепетный стих,
Стал кому-то я гений, дав неверным под дых,
А если честно, я обычный чужак,
Но как Бог протестую, когда что-то не так!

– Молодец, дошло-таки! Вот так и живи! – разорвал мглу яркий разряд. – Не терзайся и не думай о вечном, еще рано тебе. Что будет, то будет, тогда и узнается все...

Козерог боднул Макса рогом и кивнул на горизонт. Занавес из косматых туч сдвинулся и поднялся, открыв густую синеву неба. Буря утихла, а с ней и охватившая Макса паника. Пологой волной океан вынес его на поверхность. Он увидел звезды, но вспомнить ничего не смог. Водная гладь вокруг была безжизненна и пуста. Так прошла вечность, а с нею ночь, и когда поднялось солнце, он стал снова впадать в беспамятство, но в какой-то момент чьи-то крепкие руки неожиданно и ловко подхватили его и вытащили из воды. Возникла острая боль в боку, будто кто-то всадил ему под сердце нож. Но черт с ней, главное то, что он жив. Макс жадно дышал, часто и глубоко, с каждым вдохом все отчетливей понимая, что спасен и находится в чьей-то лодке. С него стащили жилет, он задрал майку, увидел свои ссадины и синяки и вспомнил все, что случилось. Они были на яхте, куда его пригласил на рыбалку Тиаго. Там Макса сбило с палубы. Внезапный шквал, завалив яхту на борт, сорвал гик, и тот, приняв Макса за своего обидчика, словно раненный бык понесся на него в атаку, чертя над рубкой дугу и хлопая разорванным гротом. Пробираясь на корму, Макс не услышал, как кто-то крикнул ему: «Пригнись!», и не пригнулся. Гик сбил его с ног и в ярости швырнул далеко за борт. А подобрали Макса австралийские рыбаки. Еще он запомнил усмешку

рулевого: в момент удара тот обернулся, и Макс увидел, что за штурвалом стоит он сам...».

Кошмарное наваждение прошло быстро, так же как началось. Может это из-за той аварии на Аньянгуэре? Макс тряхнул головой, отгоняя мелькнувшее воспоминание. Он снова взглянул на Козерога. Тот по-доброму улыбнулся в ответ и мигнул звездами сигнальных огней. «Странно, – с тревогой подумал Макс, – сегодня вроде не пил ничего, да и вообще неоткуда „белочкам“ взяться, а тут такое. Действительно, пора спать, завтра ответственный день».

«Ты опять за свое», – приблизилась к Дагу Шедда. «Оставь свои шалости, хорошим это не кончится!» Что ты смеешься! Не свети в меня и не мигай. Включи подсветку! Почему под нами Австралия? Не надо прямо в меня светить!»

Бумеранг КрГ18 неровно мигал маяками с неделю. Все это время после устроенной в голове Макса бури, когда взбесившийся парус чуть не вонзил ему в сердце собственное ребро и его, полуживого, спасли рыбаки, треугольник Портала зажегся и гас, как подгоревшая вывеска старого австралийского бара на окраине Дарвина или Перта. Из Истока Вовне Шедде и Дагу пришел выговор и приказ: «Вернуться из Восточного полушария в концепт Х2У! И больше никакой самостоятельности, иначе закроем вас к чертовой бабушке!» 13 часов спустя, с наступлением вечера в Западном полушарии свечение

на Портале вернулось к нормальному.

Глава 11. Полет над морем

Накануне закат был оранжево-розовым, поэтому утро наступило ясное и безмятежное. Но полного штиля не было, его в здешних краях вообще не бывает. Они быстро позавтракали, схватили рюкзак с парашютом, другие нужные вещи и спустились на пляж. Они – это Маня, Митя и Макс, экипаж «Насти». Клара в их затее участвовать не стала: ее на море тошнит, объяснила она.

Макс сплавал за лодкой и на ней подошел к причалу. Все уселись, и Маня – недавно она сдала экзамен на шкиперские права – устроилась за штурвалом. Митя нахмурился и закурил, а Макс при свете дня вновь проверил подвеску и расчехлил парашют.

– Какой красивый у нас парашютик! – громко порадовалась Маня, оглянувшись на Макса. – На радугу похож!

– По мне – ярковат, но других не было.

– Да нет, правильно, что взял этот, не с черно-белым же в такую погоду летать!

– Мить, а ты как к радуге относишься? – Макс видел, настроение у Мити внезапно испортилось, и догадывался почему. Мите хотелось самому встать у руля.

– К какой радуге, Макс?

– К ЛГБТ.

– Да никак. Мне они по барабану, на рожон лишь бы не лезли, – Митя закашлялся и щелчком выбросил недокурен-

ную сигарету за борт. Макс перебрался поближе к жене.

– Маш, ты особо пока не гони. На восьми милях держи, мне нужно еще минут пять на подготовку. А когда я на корме стану и знак вам с Митей подам, сразу разгоняйся до двадцати и поглядывай на меня. И на трос смотри, чтобы не перетянуть и не просадить. А потом ровно скорость держи. Не выше пятнадцати. Волну не тарань – взлетишь. Иди по диагонали.

– Мить, теперь мы. Травим на четверть трос. Укладываем его тут, за лебедкой, мне под ноги. Стропы пучком сцепляем с подвеской шлейки и найтуем шлейку за трос. Макс проговаривал все в деталях, чтобы ничего не забыть. – Теперь парашют. Ты его развернешь и вот так за края будешь держать. Станешь здесь справа, а я на корме слева, крест-накрест. Как махну рукой – Маня рванет. Махну еще раз – ты бросай парашют от себя вверх, чтобы он надо мной мне за спину пролетел. А как начну подниматься, за лебедкой следи. Тормозить и травить трос ты умеешь!

– Да я с этой сучкой-лебедкой на флоте собаку съел, – с досады Митя презрительно сплюнул.

– Ну, ты прямо как *Пан Ги Мун* (южнокорейский дипломат, Генеральный секретарь ООН в 2007-2016 годах – прим. авт.)! А я вот их кухню не пробовал. Так у вас на флоте это оборудование, значит, тоже использовали?

Митя глупой шутки Макса, кажется, не заметил и лишь неодобрительно посмотрел на друга, а Макс, решив больше

не сбивать его с толку, продолжил свой инструктаж. – Я потом сигнал вам оттуда подам, – большим пальцем он показал на небо, – вот так вытяну правую руку и сверху вниз ее опущу. Ты фал тогда выбирай и тащи меня в лодку.

– Есть, товарищ старпом! – сокрушенно покачал головой Митя. Всем своим видом он давал понять, что не о том Макс совсем, не ту он задачу ставит. Единственное, что надо было сделать сейчас – это прекратить абсурд, отстранить Маню от штурвала, а управление катером передать ему. Где это видано, чтобы женщина, пусть даже чья-то жена, была за рулевого на судне?! Да это ни в какие ворота! «У них, моряков, – усмехнулся Макс про себя, – это как базовый инстинкт. А волнения моего не замечает. Инструкции не слышит. Зачем я тогда объясняю, как парашют надо бросать и с тросом работать? Не Мане же это делать! Ее задача – просто идти по прямой и в остров не врезаться».

Все было готово. В ожидании старта Макс стал на корме как влитой в жилете и парашютной сбруе. Поправив сзади сиденье и взявшись руками за перекладину Т-образной подвески, он поднял ее над головой, согласно инструкции.

– Маш, – крикнул он, – поворачивай на 90, плавно газ в пол вдави и снова иди по прямой!

– В траверс иди, – сухо дополнил команду Митя.

Катер почти сразу взял с места в карьер, и сто пятьдесят лошадей чуть не опрокинули Макса за борт.

– Митя, давай!

Но тот как будто оцепенел, почему – непонятно.

– Бросай парашют! Тормоз! С тормоза, мать твою, «сучку» спусти!

Макс кинулся было к нему что-то исправить, но Митя, будто обидевшись на резкость, по-женски неловко швырнул ему скомканный парашют в лицо. Макс присел, чтобы увернуться, и из приседа, как штангист, толкнул перекладину шлейки вверх. Через мгновение сзади лодки раздался хлопок, и его одним махом сдуло с кормы за борт. Но в воду Макс не упал: это чудом раскрылся его парашют. Под новые хлопки в куполе, словно голубь из растревоженной голубятни, он стал рывками набирать высоту. Он взмахнул рукой, чтобы что-то сказать своему экипажу, но его никто не услышал. Макс как мог запарил в небе, а внизу остались матрос Митя, так не вовремя впавший в анабиоз, капитан Маня, к счастью, не видевшая, как Макс, застряв в паутине строп, попятился и сверчком сиганул с «Насти» вбок от кильватера, и сама «Настя», несшаяся по волнам к трем островам в открытом море. Каждому теперь была задана собственная точка отсчета и параллельный курс. Спутники Макса и катер становились все меньше и меньше, а он поднимался над ними все выше и выше.

Макс посмотрел себе под ноги и испугался: как же далеко до воды!» Его сиденье, представлявшее собой перетянутый разноцветным брезентом стульчак-полумесяц, поднялось до уровня поясницы, отчего он летел почти стоя, перпендику-

лярно поверхности моря; это было весьма неудобно и, пожалуй, опасно. «А вдруг я мыльной свечкой выскользну из всей этой сбруи: она мне давит везде, вот-вот не выдержит и расстегнется. Лететь мне тогда камнем вниз с этакой высоты, никакой жилет не поможет!» Наверху ветер был намного сильнее. Он раскачивал Макса и красавец-купол над ним в разные стороны. С опаской Макс проверил, надежно ли закреплены его стропы; он дернул ремни слева и справа и начал одной рукой протискивать неудобное сиденье под себя. Со стороны это должно было выглядеть странно: воспитанный человек на людях делать таких телодвижений не стал бы. Затолкать полумесяц куда надо удалось наполовину, отчего Макса перекосило на левую сторону, и удобнее лететь не стало. То, что он поднят на высоту восьми этажей, его уже так не страшило: главное было укротить непослушный стульчак. «А если он переломится пополам, тогда что? Из чего он сделан? Надеюсь, что из кевлара!» За петлю Макс подтянул левый ремень поближе и продел под него голову. Перехлестнув шею под правым ухом, ремень дал опору. Теперь он не опрокинется вверх тормашками. Это вселило уверенность. Ухватив сиденье с обеих сторон, Макс снова подтолкнул его под себя, подтягиваясь руками. К удивлению, нехитрое приспособление сразу сползло туда, где оно и должно было быть. Макс продел руки в петли и, поерзав, устроился поудобней. Его тело приняло нужное положение, центр тяжести стал устойчив, взлет закончился. На душе тут же стало

покойно и хорошо. Ровно задул теплый ветер. Под надежным крылом парашюта он воспарил-таки вольной птицей между небом и морем.

Где-то там впереди летел по волнам его катер с дорогими ему людьми, о которых он, восхищенный свободой полета, на какое-то время почти забыл. А они смотрели снизу на его парашют и на трос и, наверное, за него волновались. «Только не махни им случайно рукой, – напомнил сам себе Макс, – а то Митя потащит тебя назад, согласно инструкции». От полноты чувств он раскинул руки в стороны, представив себя странником-альбатросом, летящим над безбрежной гладью морей. Кажется, лишь за минуты он долетел бы до крайнего из трех островов, осмотрел его и вернулся обратно.

«Если потянуть стропы слева, начну поворот налево, потяну справа, уйду в поворот направо. Если Маня не будет так гнать, я опишу полукруг, но могу потерять высоту. Нет, пока я хочу лететь высоко и продолжить обзор вверенных мне территорий – дальних пляжей с белым песком и зеленых гор, подступающих к океану. „На его берегу, – вспомнил чьи-то слова Макс, – бренную сушу сменяет синее море, выпуская пространство на вольный простор, чуть изогнутый небом на голубом горизонте“. Ему слышатся аплодисменты, и он продолжает полет.

На лодке внизу произошла рокировка. За штурвал наконец встал Митя, а Маня перешла на корму. Да здравствует моряцкая справедливость! Даже с высоты Максу видно, как

Митя доволен, как гордо расправились его плечи и радостно вздымается широкая грудь. Привычно и по-мужски подставил теперь он лицо, а не спину соленым брызгам и вольному ветру. Не женское это дело в море ходить. На корме Маня, а этого Макс подсознательно ждал, неосторожно присела сверху на пульт и включила лебедку. Трос натянулся, чтобы тащить Макса вниз.

– Отключить! Отключите лебедку! – замахал им руками Макс. Верный инструкции, Митя что-то крикнул, показав Мане вверх, и она включила выбор фала на максимум. Отчаянный протест Макса восприняли как команду вернуть его в лодку. Безопасность на море превыше всего! Быстро закрутилось, наматывая трос, корейское приспособление, а Макс отчаянно жестикулировал, требуя остановить спуск, начатый по ошибке. Еще недавно воспарив белым голубем, а теперь попавшись в силоч, он бился, силясь освободиться и выпорхнуть на волю. Он начал закладывать повороты, пока еще был запас высоты, но бесчувственная лебедка неумолимо тянула его к оставленной – Макс взглянул на часы – минут сорок назад лодке с его дорогими спутниками. Вот Митя уже сбавил скорость, и катер, описав на воде полукруг, принял любителя экстремального отдыха в самый центр. Макс хотел было крикнуть своему экипажу что-то не очень хорошее, но на него свалился сдувшийся купол, и он ушел с головой под воду.

Парашют накрыл Макса полностью. Подсвеченный солн-

цем, он действительно переливался соцветием радуги, как в детском калейдоскопе, вызывая приятное чувство, что теперь все позади и все удалось, как в тот первый раз, давным-давно в Акапулько. Макс отстегнул шлейку от парашюта. Сделав несколько энергичных движений ногами и подгребая свободной рукой, он без труда вынырнул на поверхность и потряс над головой перекладной с ремешками, подавая Мане и Мите знак, что вот он я здесь, как вы хотели, и раз уж затащили обратно, то вынимайте теперь меня из воды. Митя мягко подвел к нему «Настю» правым бортом, стараясь не попасть винтом на распластанный в воде купол-калейдоскоп, а Маня протянула багор и с третьего раза зацепила – нет, не его, а перекинувшуюся за перекладину лямку сиденья, от которого Макс при посадке освободился без лишних усилий. Маня и Митя старались позаботиться о парашюте с сиденьем, понимая, что снаряжение это импортное и недешевое, а Макс человек взрослый и, как экстремал-любитель, заберется в лодку самостоятельно. Для этого надо было лишь чуточку изловчиться, выпрыгнуть как дельфин из воды по пояс, схватиться за подставленный борт, рывком подтянуться и перекинуть внутрь сначала корпус, а затем по очереди обе ноги, постаравшись при этом не расцарапать живот и колени.

– Мить, ты мотор выключи, – негромко, но отчетливо попросил Макс, – я по лесенке в катер залезу. Но кому сейчас было помнить о безделице-лесенке: каждый выполнял толь-

ко свою задачу и сосредоточен был лишь на ней. Митя должен был аккуратно рулить, а Маня – садиться на пульт и выживать мокрый стульчак, и лишь Макс с его тягой к популярным увеселениям выпадал из компании этих двух серьезных людей, занятых ответственным делом.

Наконец Митя мотор заглушил, и Макс по-девичьи забирался в лодку с кормы.

– Ты как, *mon amour* (любимый)? – бросилась к нему Маня. – Заставил нас поволноваться, – начала пересказывать она пережитое. – Ты как только взлетел, странно так стал изгибаться и отмахиваться от кого-то. А потом ничего, успокоился, даже птицу большую изобразил. И мы успокоились. Летим себе по волнам и на тебя смотрим. Я Ветлицкому даже штурвал отдала, на корму перешла, а ты ни с того ни с сего снова стал руками махать, а потом повороты крутить. Я Ветлицкому говорю: «Он и в жизни такой, сначала задерживает всех, а потом успокоится и все по-своему вертит». А Ветлицкий показывает: «Смотри, он рукой машет, условный знак подает. Включай „сучку“ на полную и спускай его к нам». – Так что теперь я еще один морской термин знаю – «сучка», – похвасталась Маня.

«С чего это Митя лебедку „сучкой“ назвал? Видно, на флоте его достала!» – Макс посмотрел на жену и покачал головой.

– Все не так, Маш, просто в начале мне сиденье пришлось поправлять. Только быстро вы меня назад затащили. Я бы

еще полетал.

– Так ты в воздухе целый час просидел! – изумилась Маня.

– Просидел?

– Ну пролетал!

– Пролетал, просидел, а что ж не летать, коли в воздухе, вот и пользуйся случаем, – проворчал Макс.

– Что-что? Макс, да неужели этого мало!

– А разве много? Я сорок минут летал, не больше.

– Не больше, – вступился за Макса Митя и прибавил скорость. Красиво описав второй полукруг, он направил «Настю» к последнему острову, самому дальнему от берега.

– Мы что, дальше будем кататься? – о длительности полета Маня больше спорить не стала. Ей надоело сидеть на корме. Радость по поводу Максова возвращения уже унесло свежим ветром. – Тогда дайте я еще порулю, мне скоро домой, надо на рынок идти, – закапризничала она. – Давай, Мить, сдавай свою вахту, я сейчас поведу, а потом катайтесь хоть целый день. Митя взглянул на Макса, его взгляд говорил: «Я же предупреждал! Женщина на борту – большая проблема!»

Нехотя он уступил место Мане, и та снова взялась за штурвал. Зачем-то она включила трим и выжала до отказа газ. Крякнув, катер присел на корму, высоко поднял нос и сорвался вперед, опять чуть не сбросив своих пассажиров. Они понеслись к трем островам.

– Маш, осторожно, ты так нос задрала, отмели не заметишь, – предупредил Макс, подмигнув Мите.

– Их с наветренной стороны не бывает!

– Ты уверена?

– Нам так на курсах сказали.

Ответ Мани его успокоил: – Пусть рулит себе, как хочет, раз им так на курсах сказали. Не буду под влияние Митино попадать. Посижу на корме лучше, позагораю. Макс закрыл глаза, расслабился и, кажется, начал дремать. Он увидел свой свободный полет и альбатроса из научного фильма о птицах Южной Атлантики. Альбатрос охотился. Охотился он за большой марिताкой, готовой нагадить на его парашют. Альбатрос погнал ее вниз к воде, где она куда-то исчезла, а затем поднялся назад, качнул в знак прощания крыльями и полетел к трем островам. Макс кивнул ему вслед и стал прикидывать расстояние в кабельтовых до последнего острова, называвшегося в его сне «Акапулько». Неожиданно на плечо ему село что-то тяжелое. Он скосил глаза и увидел большого зеленого попугая, похожего на буй-кеглию из Гагр. Он попытался его столкнуть, но руки оказались зажаты сидением. Крикнуть он тоже не смог: рот залепила серая лента из фильмов про криминальную жизнь Петербурга. Игнорируя Макса, попугай кривым клювом стал трепать ремешок парашютной подвески. Еще одна упитанная маритака и другая поменьше помогали ему, методично вытягивая и глотая растерзанные нитки капрона. Та, что побольше, чуть поперхнулась и сказала вдруг Митиным голосом: «Не бойсь, Морозова, сейчас мы тебя сковырнем отсюда». А вторая каркну-

ла прямо в лицо: «И ты полетишь до самой воды вниз головой, как Тарзан с *Ла-Кебрады*». Макс захотел ближнюю маритаку за горло схватить, но парашют сильно качнуло, и чей-то знакомый голос рядом сказал: «А их вот не тронь!» Это был его дачный сосед Аугусто. В руках он держал неспелый кокос и книгу об Амазонии с фотографией Макса на цветной, как его парашют, обложке. Аугусто замахнулся кокосом на маритак, и те бросили жевать ремень. Он по-разбойничьи свистнул, зовя альбатроса, и положил книгу ему на колени. Макс испугался, что она упадет, и зажал книгу ногами. Зловредные попугаи, пронзительно каркая, улетели, а Аугусто тихо проговорил: «Напиши эту книгу, Макс, а их не трогай, они твари божьи, забудь и проснись, приплыли».

Сон неожиданно кончился, и Макс увидел свой пирс. Лодку сильно качало, солнце закрыли тучи, над водой с криком носились чайки, а над Максом склонилась голова Мити.

– Проснись Макс, пришли. Гроза собирается. Швартовать катер не будем, сразу в элинг поставим, пока не штормит.

Глава 12. По возвращении с прогулки

Макс быстро вернулся в свое сегодняшнее воскресенье. Из голубого небо сделалось серым, и уже начал накрапывать слабенький дождь. На берег шумно накатывали частые мелкие волны. Порывы ветра сдували с них шипящую пену и спреем разносили по воздуху. Дождь и морская взвесь смешивались и оседали на коже так, что хотелось их поскорее смыть. «Быстрее бы укрыться в доме, спрятаться от промозг-

лой погоды», – подумал Макс.

– Маш, ты сиди в лодке, мы тебя сейчас сразу в гараж поднимем, – сказал он жене.

Маня с удовольствием согласилась пока из лодки не вылезать и подняла в руке черпак для воды в благодарном тосте за эвакуаторов. Макс с Митей, не сговариваясь, спрыгнули в воду, молча взялись за борт, каждый со своей стороны, и подвели катер вплотную к подъемнику. Отбиваясь от волн, Макс выбрался на берег и побежал вверх к гаражу включить электролифт. Митя смело стоял в воде по грудь, ожидая команды. Макс спустил к нему по рельсам тележку. Митя завел над ней катер, удерживая его от болтанки за нос, и, пока Макс подтягивал тележку назад, усадил его на платформу спереди. То же самое он проделал с кормой, усадив ее на платформу тележки сзади. На счет «раз» тележка, приняв катер, поднялась из воды, на счет «два» Маня, издавая победный крик, въехала в нем по рельсам вверх, а на счет «три» их «литерный» зашел в свое депо-эллинг. Успех этой маленькой, но ответственной операции дал Максиму ощущение благополучия и согласия с естественным ходом вещей, и он окончательно решил остаться на море до завтра. «Завтра с утра, – подумал он, – прополощу наш парашют, а катер помою позже, перед отъездом».

– Маш, давай останемся до завтра, – сказал он жене.

– Не могу, *теи amor*, надо ехать сегодня, мне интернет вечером нужен, а тут он, как и на даче, все время шалит. О

походе на рынок с Клариссой она начисто забыла.

Митя помог Мане выбраться из лодки, а Макс предложил: «Тогда езжай с Митей и Кларой». Поддерживая его предложение, Митя согласно кивнул.

— А я останусь. Завтра лодку помою и высушу, а к вечеру вернусь. Заодно попробую замок в гараже поменять.

Предложение Макса приняли без возражений. Митя направился в гостевой домик к Клариссе, а наша пара поднялась к себе наверх.

Глава 13. Экскурс в историю, гастрономию и национальные особенности

Пока они трудились на море, а Кларисса спала, обед в то воскресенье приготовила Роза, их домработница и кухарка. Она была из местных и приходила по выходным. Переодевалась в форменное платье с фартуком и только потом бралась за уборку. Изредка она также готовила, в основном простые блюда бразильской кухни.

Домашним работникам бразильцы отводят, еще со времен подневольного труда, личную маленькую каморку с узкой кроватью, душем, туалетом и крошечным шкафчиком — причем не только в частных домах, но и в современных квартирах. Выглядит это как неуважение к человеку, которого специально держат в качестве прислуги. Сейчас, правда, реже встретишь прислугу, живущую при хозяевах постоянно. Но иногда в супермаркете или на рынке еще можно увидеть разодетую аристократку, которая ведет свою родо-

словную не иначе как от кого-нибудь из семьи или свиты короля Жуана VI, обманом сбежавшего из Португалии от Наполеона. Аристократку сопровождает темнокожая служанка в строгом платье. По указанию госпожи она набирает в тележку дорогие, в основном импортные продукты. Выглядит это комично и грустно, как и всякий анахронизм.

В тот день домработница Розы по Маниному спецзаказу приготовила на обед *фейжоаду* – черную фасоль с мясopодуктами, а к ней *фарофу* и капусту *коуви*. Фарофа похожа на крупномолотые панировочные сухари и представляет собой смесь муки из маниоки с луком, черносливом, морковью, кусочками копченых колбасок, «баконом» (так называет бекон старое поколение, не принимающее англицизмы – прим. авт.) и специями. Вкусная штука. Хотя саму по себе фейжоаду Макс, к удивлению местных, не очень любил. Бразильцы ее обожают и едят чаще зимой, в холодное время, поскольку еда это плотная, употребляется с рисом и в тандеме с кайпириньей или кашассой вполне способна согреть тело и душу оголодавшего и продрогшего гражданина Республики, включая *гаушос* в Рио-гранде-ду-Сул, а также жителей двух других прохладных штатов крайнего Юга –Санта-Катарины и Параны.

Зима в Южном полушарии, кстати, приходится, как известно, на июнь, июль и август, когда в Северном полушарии лето, причем похолодать зимой может так, что в упомянутых выше штатах на Юге и в Аргентине выпадет снег, не хуже,

чем в наших более суровых широтах. Туда, на Юг, туристы с теплого бразильского Севера должны съездить хотя бы раз в жизни, чтобы увидеть снег и лед наяву, а не только у себя в холодильнике.

Курс географии мало освещает, однако, тот факт, что к югу от земного экватора и другие вещи тоже устроены наоборот, как в зеркале, где правое выглядит левым, а левое правым, или как в зазеркалье, где кое-что может показаться вовсе немыслимыми. Так, в Бразилии есть, например, очень гуманный на вид закон отпускать заключенных домой к семьям на Рождество или на День матери. Недавно в одном из штатов после празднования этого дня из 600 отпущенных по домам арестантов обратно в тюрьмы не вернулась почти половина, что вышло уже за всякие рамки. Парламент собрался этот закон отменить, но не тут-то было. Нашлись влиятельные депутаты, замотавшие это решение в формальностях и волоките, и сегодня о нем вспоминают лишь изредка – до нового инцидента. Искоренить криминал и коррупцию в стране не удастся.

Или другой пример. В Бразилии действительно очень любят футбол и горячо болеют за свои команды против команд соперников, так что даже если соперник вышел в финал международного турнира, подлинный болельщик своей команды будет болеть скорее за иностранный клуб...

Так вот, фейжоада, в интерпретации многих бразильцев, восходит своими корнями к временам известной всем Рим-

ской империи, а в Бразилии изначально использовалась, чтобы кормить рабов на плантациях. По преданию, вместо мяса плантаторы бросали в дешевую фасоль свиные уши и пяточки, хвосты, копытца и прочую требуху. Впоследствии эта смесь, как ни странно, стала гордостью национальной бразильской кухни. Настоящие мужчины должны и сегодня употреблять фасоль именно с требухой, но многие скрытно предпочитают «женскую» фейжоаду, с кусочками вырезки и другими тонкостями.

Макс в эту легенду особо не верил и считал, что еда эта на любителя, коим он, как ни старался сделать приятное родственникам и знакомым, так и не стал, о чем, честно говоря, несколько не сожалел. В свое оправдание он всегда объяснял, что зато любит «*строганов*» или, если называть правильно, «*бифстроганов*» – блюдо, популярное в Бразилии не менее фейжоады из черной фасоли. Просвещая бразильцев, Макс рассказывал, что придумано оно неким поваром из России и что Строганов, как и «Смирнофф», – старинная, широко известная русская фамилия. Никто из друзей и знакомых, а их у Макса здесь за все годы накопилось немало, этого не знал. Все они искренне удивлялись, благодарили за важную информацию, думали про себя, что ее надо непременно проверить, но вскоре начисто обо всем забывали, продолжая считать «*строганов*» сугубо бразильским блюдом. «Как мы поверхностны, ничто нас всерьез не интересует», – сказала Максу однажды знакомая писательница. Но для

него был важен другой результат: фейжоаду ему предлагать перестали. А еще он, под настроение, показывал интересующимся на примере приготовленного борща, каким должен быть настоящий суп, а не западный «крем-брюле». Бразильцам его супы нравились, хотя ели они их только зимой, для согрева. «Ой, как холодно, – ежились они, но отопление не ставили. – Хорошо бы супчика твоего поесть!»

Народ бразильцы в своей массе, как ни странно, консервативный – в частности, в еде. Никто не заставит бразильцев употреблять, например, свежемороженую треску. *Бакальяу*, так эту рыбу называют в Бразилии, они признают только вяленую. Просоленная, вяленая бакальяу стоит недешево и доставляет своим любителям дополнительные хлопоты: перед приготовлением ее приходится сутки вымачивать в воде, а лучше в молоке, чтобы избавиться от соли и сильного неприятного запаха. Митя привез русскую треску в Бразилию еще в начале нового века и пытался продавать бразильцам как свежемороженный продукт. Те брали, готовили, хвалили, но не просили еще. В Бразилии любят классику и традицию. Переубедить ее жителей, даже практической демонстрацией, не удастся. Вот если бы президент Америки поел и похвалил бразильцам мороженную треску от Дмитрия в прайм-тайм на ведущем здешнем телеканале «Глобу» – тогда бы она имела в Бразилии успех, как и все остальное из США. Но на такую рекламу у Мити денег не хватит. А раз так, не возьмут они заморозку, им ядрено-сушеное по душе:

некоторые даже нюхают его, не кривясь, и баста! Такие вот парадоксы приходится терпеть в этой стране. Логику в них найти затруднительно.

Глава 14. Макс описывает обед – рассказ Мани – отъезд

«И вот все, включая приглашенных Маней соседей, собираются в столовой с общепринятым у бразильцев опозданием минут этак на сорок-пятьдесят. Столовые приборы с салфетками разложены на главном столе, а сбоку, на вспомогательном, стопкой сложены тарелки, рядом с которыми расположились черепичные кастрюли: в одних – фейжоада „для женщин“ (с фасолью, мякотью говядины и свиными колбасками), в других она же, но с ушами, хвостами и пяточками – фейжоада для настоящих мужчин. Отдельно выставлены рис и картофель-фри: курьез, но их накладывают в тарелку и легко употребляют вместе, одно с другим; подле них подносы с капустой *коуви*, свежими овощами, тушеной брокколи и кабачками. Для меня Роза приготовила и принесла из дома морское блюдо *мукеку* (*густой суп-рагу из креветок и рыбы – прим. авт.*), чтобы все были довольны. Спасибо Мани и Розе, про меня не забыли. Наконец-то можно садиться за трапезу и начать свидание с главным блюдом обеда в исторической бразильской традиции. Кстати, Манину племянницу, как, например, и Клариссу, ничто историческое, кроме фейжоады и Карнавала, ни с какой стороны не интересует. „Не люблю историю, – заявляет племянница, – ску-

кота. В ней все о прошлом и о мертвых. В действительности же всего этого больше нет! Так стоит ли изучать то, чего не существует?“ Перед таким заявлением просто теряешься. Как кратко и вразумительно возразить этой обычной бразильской школьнице, что она не совсем права? Не скажешь же ей, что история – она не только про то, что было с мертвыми, но и про то, что будет с живыми. А если и попытаешься, то она пропустит ваши слова мимо ушей, уйдет в виртуал и начнет подрисовывать в смартфоне заячьи ушки к вашей только что сфотканой физиономии, подписывая ее для подруги: „Мой дядя – зайка!“

Трапеза начинается. Митя торопит с тостом: к отъезду надо выветрить запах *кайны* (кайпироски) и быть готовым к возможной встрече с дорожной полицией с ее блиц-проверками и дутьем в алкотестер. Прежде чем поднять бокалы, все встают и, взявшись за руки, произносят молитву «Отче наш», а затем благодарят Пресвятую Деву Марию за то, что здоровы, за свою жизнь и работу и за своих детей. Роза в чтении молитвы участвует, но стоит отдельно. Говорить тосты у бразильцев особо не принято, и Митя тосты, не задумываясь, пропускает. Мы с ним и соседом пьем коктейль-кайпироску, остальные – пиво и *гуарану* (бразильская «кока-кола»). Заканчиваются выходные: до свиданья и до следующих выходных. Отсчет новой недели начинается здесь с воскресенья, но работать все выйдут завтра, то есть в понедельник. В Дубае рабочая неделя для нас с Маней тоже начиналась,

как в Библии, с воскресенья, но только по-настоящему, поэтому понедельник там уже был как наш рабочий вторник, зато отдыхали мы потом полную пятницу и половину субботы. Понапутаны и там и тут дни непрактично, хотя внешне все выглядит как будто корректно.

За обедом, конечно же, вспомнили прогулку на катере. Маня без вступлений взяла на себя роль первой рассказчицы и принялась описывать Клариссе, соседской семье и Розе всю драму полета «безумного Макса» на парашюте. О тщательной подготовке мною всей операции она не сказала, это было не главное. Главным было то, что «Ветлицкий, – Маня кивнула для соседей на Митю, – условный сигнал прозевал, закапризничал, а потом швырнул, – она показала, как – скомканный парашют прямо Макс у в лицо, но не попал. Макс увернулся, и парашют улетел с лодки за борт». За столом дружный взрыв смеха, даже воспитанная жена соседа сдержанно засмеялась. «А Максику, – Маню уже не остановить, – а Максику это так не понравилось, что он на Ветлицкого стал кричать, но толком накричать не успел, потому что раздался хлопок, будто взорвалось что-то, и его, запутавшегося в своих веревках (успела-таки разглядеть!), снесло с кормы неизвестно куда. А потом, потом он неожиданно сзади лодки возник и быстро так стал возноситься вверх! Запарил над водой с распростертой рукой, – Маня театрально выставила руку перед собой. – Ну и летел бы себе спокойно, но нет, он свечой вытянулся и стал кланяться и выгибаться,

что-то искать там у себя, будто ему в шорты оса залетела. Только чудом не вывалился вниз из своей сбруи, но потом – ничего, собрался, как полагается, сел и стал кренделя в небе выписывать, и еще сопротивлялся, когда я его начала спускать».

Такой вам фейк-ньюз от «Мани Коламбия Пикчерз»! А все со смеху покатываются, даже жена соседа, даже мы с Митей в такт улыбаемся, но больше всех смеется простодушная Роза; ее просто разрывает от смеха, и, не выдержав, она выбегает, чтобы скрыться на кухне.

Фейжоада с мукекой съедены, напитки выпиты, все насмеялись досыта и расходятся, приближается время отъезда. Митя кладет в багажник своего не нового «Чероки» сумку от Пьера Кардена (мой подарок ему из Эмиратов) и Кларин розовый чемодан на колесах.

– Мить, хочешь машину сменить? – подхожу к нему я.

– А что, есть вариант?

– Есть, и весьма неплохой. Хорошо бы его провернуть. Сейчас пандемия, продаж авто мало, живых денег нет. Хочу взять у дилера шесть «мерсов» GLA, новых, но прошлогоднего выпуска. Разницы с 2020-м нет. От них аргентинцы отказались – дефолт. Пока документы в Германии переделывали, машины стояли в *Паранагве* на складе таможни. Если сразу купить все шесть и заплатить налом, обойдется в три четверти цены плюс дополнительная скидка от дилера. Перепродать легко, на два у меня покупателя уже есть. Ариф-

метилку я тебе по *зан-зану* (так бразильцы прозвали *Ватсан* – прим.авт.) пришлю, но суть такова: две продаешь, а на прибыль себе покупаешь третью, с доплатой. Максимум ты-сяч двадцать. Своего «чероки» потом продашь, а я тебе пока одолжу. Но медлить нельзя!

В дверях появляется Маня, и я прерываюсь. Она говорит что-то Розе. Наверное, просит ее мужа прислать кусты и траву подстричь.

– Так как, Мить, возьмешь пару машин на продажу? Только быстро, за нал. Дилеру надо налом отдать за все шесть отдать. Три я железно беру. С бумагами все в порядке.

– Я за. Дело хорошее. Свою тачку я бы конечно же поменял. Одну машину точно продам, а о второй завтра поговорю. Думаю, должно получиться.

– Давай, не забудь, мне ко вторнику надо знать. Сделать все нужно быстро, в течение этой недели.

Маня подкатывает ко мне свой чемодан, чтобы я положил его в багажник «Чероки».

– Макс, ты мне машину не покупай! Нам одной твоей пока хватит. Но если на СИЗ можно денег выручить, то я согласна. У меня тоже есть кому «мерседес» продать.

– Благотворительница наша, – качаю я головой. – Как она умудряется все слышать и видеть?! И ходит бесшумно, когда не надо. Носится с идеей создать фонд помощи неимущим, а сейчас хочет купить у китайцев партию средств индивидуальной защиты для наших врачей.

– Хорошо, Маш, буду иметь ввиду, завтра поговорим. Идея закупки СИЗ мне не нравится, и я закрываю багажник. Отложим этот вопрос до завтра, потому что сейчас я стану сердиться и точно ей откажу. Не по душе мне эти посредники – стяжатели и мздоимцы, наживающиеся на пандемии. Они как Кларин сосед на «Ламборгини», с подземным сейфом и домом, который на одну зарплату не купишь.

– Мить, ты особо не торопись, – забочусь я обо всех, – особенно если завернут на Анчиету, там повороты знаешь какие! Только сейчас про Морозову не говори. Не будем банализировать классику!

Одновременно я думаю о другом. Для меня намерения Мани не новость, но с моими «мерсами» я их не связывал. Я поворачиваюсь к ней.

– Пока, Маш. Я целую жену, а она меня.

Чуть приобнявшись, мы прощаемся, но недосказанность остается. Не всегда и не во всем соглашаются друг с другом Манин Лев и мой Овен.

– Кларисса, – не меняя интонации и языка, обращаюсь я к уже усевшейся на заднем сиденье Кларе. – Я накануне с твоим отцом говорил и сказал ему, что Митя тебя привезет. Так что не подведи! Приезжайте с Митей еще, но не ходи пока на *балады (дискотеки)* и вечеринки. Не расстраивай старика Лабутена, ОК? Кларисса хочет спросить, кто такой старик Лабутен, но я посылаю ей рукой поцелуй и говорю уже всем:

– Счастливого пути! *Boa viagem para voces!* Мить, ты Розы до дома подбрось, сделай милость, – отдаю я последнее распоряжение.

– Розы, садись, – приглашает Митя.

«Чероки» выезжает на улицу внутри поселка.

– Пока! Приедете, позвоните, – кричу я им вслед, но они меня уже не слышат».

Глава 15. Аня и аквариум Бома

Гости уехали, и Макс, прежде чем вернуться в дом, решил пройтись на пляж посмотреть, что происходит на море. Он вышел на опустевший пирс. Лодок осталось лишь две. Белый катер с ребятами ушел. На пляже не было ни души, даже энтузиастов с металлоискателями. В последнее время их стало мало. То ли вышло у них из моды на пляжах монеты и кольца искать, то ли из-за пандемии они решили без надобности из дому не выходить. Волнение в заливе почти улеглось. Пока Макс и гости обедали, гроза прошла, ветер утих, и из-за туч выглянуло и засветило перед закатом розово-желтое солнце, предвещая на завтра снова теплое утро и погожий день.

Вернувшись, Макс отправил Виктору зап-запом расчет по «мерсам» и взял свой Макбук, чтобы сесть и приступить наконец к творчеству, ради которого он прежде всего остался. Он попробовал вспомнить идею задуманного рассказа, но, когда вспомнил, понял, что ничего интересного в ней нет. Писать рассказ расхотелось. Он отложил лэптоп и откинулся на спинку дивана. Его мысли начали бесцельно блуждать, и

вдруг, собравшись, перенесли его почему-то в Москву. Он вспомнил, как в институте дружил с Аней Красновой.

Аню он отбил у своего бывшего друга Игоря еще в 10-м классе. Теперь она училась на втором курсе Физтеха, хотя с бледными женщинами-математичками, как, например сухая и скучная Лера Андреевна в их школе, не имела ничего общего – высокая, голубоглазая, с копной русых волос, веселая и спортивная. В то время они катались на лодках в парке, ходили в кино и на вечеринки с диссидентами, рокерами и детьми известных актеров. Однажды Аня сказала, что хватит им болтаться без толку.

– Пойдем сегодня в лекторий.

– Что!/? Воскресенье на лекцию тратить! – возмутился Макс. – А как же на великах погонять?! Ты же хотела!

– В другой раз погоняем. Наш новый препод пригласил мою группу на лекцию о квантовой магии. Он сегодня читает ее в универе на Манежной.

– Я не пойду, мне на неделе лекций хватает.

– Тема больно уж интересная, новое направление нашей науки! Ну, будь другом, – запросила Аня, – пойдем!

И Макс согласился. Без Ани кататься на велосипеде ему не хотелось.

Они приехали на лекцию прямо перед началом. Зал был забит – по виду, в основном учащейся молодежью. Очкарики, отличники, модники и не очень, ребята и девчонки их возраста. Прозвенел звонок, и к подиуму вышли двое.

Тот, что был постарше, представил своего гостя как молодого профессора Юрия Полетаева из Курчатовского института. Гость, ростом с баскетболиста, кивнул, поздоровался с аудиторией и решительно подошел к доске.

На Макса всей тяжестью навалилась тоска и стала отключать от происходящего. Тем временем долговязый лектор отметил на доске мелом две отстоящие друг от друга точки и назвал их парными фотонами света. Прежде чем окончательно потерять нить, Макс услышал, что каждый из двух фотонов находится сейчас «в суперпозиции». А чтобы объяснить, что это, лектор почему-то попросил у сидящих в зале два пяточка, как на метро. Пока передавали монеты, Макс боролся со сном, а лектор начал говорить про какого-то кота Шредингера, аквариум и рыбку Бома, из чего Макс заключил: лекция кончится тем, что кот первого сожрет рыбку второго, и его, Макса, выходной будет безвозвратно испорчен. Лучше бы вдоль Москвы-реки на велике покатался, пусть даже один!

В зале стало жарко и душно; Макс прищурил глаза и честно попытался еще раз сосредоточиться. Сосредоточиться не удалось, голову заняли пустые посторонние мысли. Он начал следить, как Аня, словно веером, обмахивается приглашением на лекцию, и не заметил, как задремал. Ему привиделся аквариум с рыбкой, черно-белый кот и его хозяин, верзила Шредингер, который сразу же доверительно сообщил, что кот у него обманщик и притворяла. «Смотрите, – показал он

на кота, – вот, из живого становится мертвым, чтобы обмануть рыбку». Кот, и правда, неподвижно лежал рядом с аквариумом и делал вид, что он сдох. Рыбка в аквариуме, кружа вокруг ракушки, терпеливо следила за ним, а потом неожиданно всплывала и направлялась к кормушке. Как только она оказывалась внутри плавающего квадрата с кормом, кот мгновенно вскакивал, вставал на кромку аквариума одной лапой и запускал в него другую. Рыбка тут же ныряла вниз и пряталась за ракушкой на дне. Кот облизывался, соскакивал обратно на стол и ложился в прежнюю позу. Этот цикл не прерывался и мучительно прокручивался вновь и вновь, а затем перед Максом вдруг стали летать раскаленные сгустки из оранжево-красного, и он смотрел на воду в аквариуме в надежде туда окунуться.

– Максим, просыпайся! – Аня трясла Макса за плечи, – идиот, такую лекцию пропустил!

– Все, Ань, довольно! Уже не сплю? Да не тряси ты так! Я что, проспал? Вот досада! Ну и как там ваш Шлезингер? Аквариум у рыбы почистил?

– Дурак ты, – ущипнула Максима за ухо Аня, – Полетаев о квантах и их запутанности говорил, про их суперпозицию и схлопывание волновой функции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.